

«Приключения Алисы в стране чудес» Льюис Кэрролл.
Перевод А. Рождественской. (Текст в общественном
достоянии. Источник: ru.wikisource.org)

«Приключения Алисы в стране чудес»

автор Льюис Кэрролл

Предисловие

Подобно тому, как у нас в России, трудно встретить в интеллигентной семье грамотного ребенка, который не знал бы «Сказки, о рыбаке и рыбке», так в Англии нельзя встретить ребенка, не знакомого с «Приключениями Алисы в стране чудес».

Успех, выпавший на долю этой книги в Англии, представляет нечто исключительное, небывалое. Она расходуется в сотнях тысяч экземпляров, существует в десятках различных изданий, дешевых и дорогих, обыкновенных и роскошных, иллюстрируется лучшими художниками. Отдельные же ее эпизоды служат даже темой для самостоятельных картин. Нет в Англии интеллигентного дома, где в числе первых книг начинающего читать ребенка и среди любимых книг

юноши или подростка-девушки, не нашлось бы «Приключений Алисы». Нет ни одного грамотного юного англичанина, который не восторгался бы этою повестью-сказкою, нет взрослого, который не вспоминал бы с удовольствием сохранившиеся в его памяти те или другие эпизоды из этой прочитанной в детстве книги.

Вся молодая Англия буквально зачитывается «Приключениями Алисы». После «Хижины дяди Тома», «Робинзона Крузо», — а из новой литературы — после «Маленького лорда», «Необыкновенных сказок» Киплинга и повестей Олькот — ни одна детская книга не имеет там такого распространения, как «Приключения Алисы в стране чудес».

Причина успеха кроется в бесспорной оригинальности сюжета, приноровленного к пониманию и вкусу детей, и в своеобразной обработке его. По духу своему являясь типичной сказкой, книга в то же время далека от шаблона существующих сказок и не напоминает ни одной из них.

Полные шуток, острот, курьезных выдумок, невероятных положений, невинных пародий и пр., «Приключения Алисы» представляют собой, как замечает один из критиков, «одно из остроумнейших произведений мировой детской литературы». Этим объясняется, что книга, появившаяся сначала в Англии, стала теперь одинаково популярной и в Германии, и во Франции, и в Италии.

Но остроумие книги Кэрроля совершенно своеобразное, оригинальное. «Странная книга!» — скажут многие, прочитав «Приключения Алисы», скажут потому, что тот юмор, которым они проникнуты, совершенно чужд обыденности, и потому, что в этом юморе отразились далеко не всем доступные и понятные детская логика и детская фантазия. Но кроме того, «Приключения Алисы» одна из тех книг, которые недостаточно только читать: каждая страница, каждый эпизод требует от юного читателя размышления, заставляет его задумываться постоянно и вникать в скрытый смысл шутки или выходки героев.

Передать на другом языке весь юмор и все своеобразие «Приключений Алисы» очень трудно. Русская переводчица старалась все-таки возможно точнее воспроизвести тонкости английского подлинника и сохранить все его достоинства. В повести-сказке Кэрроля встречается, между прочим, ряд веселых, смешных стихотворений. При переводе этих стихотворений тоже по возможности избегались отступления от подлинника и изменения, дабы юные русские читатели и читательницы получили полное понятие о книге, которая стала такой популярной в Англии и которую зачитывается уже несколько поколений детей в других странах.

Иллюстрации в настоящем русском издании воспроизведены по акварельным и черным рисункам известного английского художника Чарльза Робинсона,

украшающим лучшее, роскошное лондонское издание повести-сказки Кэрроля.

Кто написал приключения Алисы

У английского священника Доджсона, в маленьком городе Дарсбюри, в 1832 году родился сын, которому дали имя Чарльз. Мальчик рос живым, веселым, бойким шалуном, любил бегать, играть, лазить по деревьям и возиться с жабами и дождевыми червями, которых раздражал тоненькими прутиками, чтобы они дрались между собою.

Чарльз был самый старший из одиннадцати детей священника. Он очень любил своих меньших братьев и сестер и придумывал для них постоянно веселые игры и развлечения. Так, с помощью знакомого столяра, он устроил театр марионеток и разыгрывал пьесы, которые сам сочинял. Для меньших сестер он сделал карету-омнибус, а однажды смастерил даже железнодорожный поезд, вагоны которого состояли

из тачки, тележки и бочонка. В этом «поезде» он возил маленьких пассажиров кругом сада, останавливаясь на станциях, где заранее приготавливал угощение. Но все это не мешало Чарльзу заниматься очень усердно науками. Особенно он пристрастился к математике и любил решать трудные задачи.

Когда Чарльзу минуло одиннадцать лет, отец его переселился в город Крофт, куда был переведен в качестве настоятеля церкви. Чарльза он поместил пансионером в школу в Ричмонде, где мальчик вскоре стал выделяться своими большими способностями и... необыкновенной веселостью. Между прочим, он очень любил забавлять своих товарищей рассказами о разных небылицах.

Из пансиона в Ричмонде Чарльз, уже восемнадцатилетним юношей, перешел в духовную школу в Оксфорде — одну из старейших школ в Англии. А по окончании курса, сдав экзамен на духовное звание, остался в этой школе преподавателем и в то же время читал проповеди в церкви.

Любимую наукою Чарльза Доджсона продолжала оставаться математика, к которой он пристрастился еще в детстве. Теперь он начал сам писать книги по математике, составлять сборники задач, решений и объяснений многих сложных вопросов этой науки и т. п. Эти труды вскоре прославили его имя среди английских ученых.

Большой известностью пользовался также Доджсон как проповедник. К своим проповедям он всегда тщательно готовился, читал много книг духовного содержания, и его проповеди были всегда очень содержательны и интересны. Обыкновенно люди ученые, в том роде, как Доджсон, бывают очень серьезны. Но Доджсон, напротив, отличался очень веселым нравом, охотно шутил, рассказывал анекдоты, смешил своими рассказами друзей.

Время, свободное от занятий, молодой математик очень любил проводить в кругу детей. У него было много маленьких друзей — мальчиков и девочек, с которыми он гулял по полям и лесам, занимая их придуманными им самим веселыми «историями», и вызывая всегда шумный восторг юных слушателей.

Во время летних каникул Доджсон часто совершал путешествия по разным странам Европы, побывал, между прочим, в России и, возвращаясь на родину, собирал вокруг себя детей и рассказывал им о том, что видел, прибавляя всегда к своему рассказу множество шуток и прибауток.

В числе юных друзей Доджсона были три девочки, сестры Лиддель: Лора, Алиса и Эдита. Их особенно любил Доджсон, катался с ними по целым часам в лодке, совершал длинные прогулки по окрестностям города и т. п.

Во время одной из таких прогулок девочки стали упрашивать Доджсона рассказать им какую-нибудь

интересную и веселую историю.

— Хорошо, — ответил Доджсон, — я расскажу вам, что произошло однажды в голове одной девочки, которую звали Алисой.

И Доджсон стал рассказывать те удивительные приключения, которые потом составили целую книгу.

Сестры слушали рассказ, затаив дыхание. Иногда, чтобы подразнить их, он останавливался и говорил:

«А остальное я доскажу вам потом». — «Потом уж пришло!» — кричали юные слушательницы, — и он, исполняя их просьбу, принимался рассказывать дальше.

— Все это было на самом деле? — спрашивали иногда девочки.

— Вероятно, — отвечал, смеясь, Доджсон, — если не было, то могло быть... Не все ли равно? Впрочем, дослушайте до конца, тогда все узнаете...

Часть сказки о приключениях Алисы была рассказана таким образом в лодке, часть — на небольшой полянке, под стогом сена, где Доджсон и его слушательницы садились отдыхать после прогулок.

Повесть-сказка, придуманная Доджсоном, очень заинтересовала трех сестер Лиддель и одна из них, Алиса, тезка той самой девочки, про которую рассказывал Доджсон, упросила его «написать всю сказку на бумаге». «Я хочу сохранить ее на память, прочесть на досуге вновь, да и познакомить с нею моих подруг», — приставала она.

Доджсон исполнил желание девочки и, спустя несколько недель, передал ей рукопись повести-сказки, украсив ее смешными намеренно неуклюжими рисунками. Эта рукопись переходила из рук в руки среди подруг Алисы, и все они читали ее с восторгом. Случайно про сказку о приключениях Алисы в стране чудес узнал один лондонский издатель и предложил Доджсону напечатать ее. Доджсон согласился, с условием, чтобы вместо его имени на книге значилось выдуманное им имя, или так называемый псевдоним — Льюис Кэрроль.

И вот, в 1865 году появилась в продаже новая книга — «Приключения Алисы в стране чудес», подписанная именем Льюиса Кэрроля. На первой странице ее было помещено стихотворение, в котором описывалась прогулка автора с тремя девочками, во время которой и слагалась эта сказка.

«Приключения Алисы» сразу были замечены и постепенно приобретали все большее и большее число читателей среди английских детей, и стали их любимой книгой. Долго никто не знал, что выдумал и написал эти приключения ученый профессор математики и проповедник. Сам Доджсон скрывал, что он автор «Приключений» и, когда к нему обращались с вопросами по этому поводу, утверждал, что эту сказку написал его приятель Кэрроль, большой чудака, прячущийся от людей.

Однако долго это оставаться тайной не могло. Прошло уже несколько лет, и все уже знали, что именно сам Доджсон и есть тот «приятель-чудак», о котором он говорил.

В числе лиц, заинтересовавшихся «Приключениями Алисы» была королева английская Виктория. Заметив, как восторгаются ее дети сказкою-повестью про Алису, королева пожелала иметь и все другие произведения того же автора. Каково же было ее удивление, когда ей доставили целую кипу ученых сочинений по математике! Королева была очень удивлена тем, что серьезный проповедник и ученый математик мог написать такую интересную и забавную книгу для детей. «Вам никто не помогал в работе над вашею сказкою?» — спросила королева представившегося ей Кэрроля. — «Ваше Величество, у меня были две помощницы, — ответил Кэрроль. — Одна из них — фея фантазия, а другая — любовь к детям. И если мой труд нравится и имеет успех, то этим, — прибавил он, — я обязан этим двум моим помощницам».

Кроме «Приключений Алисы», Кэрроль написал еще несколько повестей для детей и целый сборник детских стихотворений, но эти сочинения не имели уже такого успеха, как первая сказка, поставившая автора «Алисы» в ряды знаменитейших английских детских писателей.

Сочиняя и рассказывая эту сказку, и нарочно нагромоздив в ней разные, очень странные, неправдоподобные и, как будто, нарочно

бессмысленные встречи и случаи, Доджсон стремился главным образом развлечь и заинтересовать детей. Но вместе с этим он хотел доказать, что при правильном рассуждении и согласовании мыслей с поступками все устраивается в жизни хорошо и благополучно и что ребенок, который правильно, разумно думает и ни перед чем не теряется, непременно победит все невзгоды, встречающиеся на житейском пути. Но этой мысли Доджсон не высказывает открыто в своей повести-сказке, а предоставляет находить и прочесть ее между строк самим юным ее читателям и читательницам.

Как сложилась повесть- сказка про Алису

Мы медленно плыли.

Чуть двигалась лодка

По глади зеркальной реки,

А руль наш вертелся и вправо, и влево,

Не слушаясь детской руки. Гребли
тоже дети и пенили воду, Слегка
ударяя веслом,
И брызги взлетали, сверкая на солнце, И
падали, искрясь, кругом.
С высокого неба горячее солнце
Снопсы посылало лучей.
Не двигался воздух, казалось, он замер, И
все становилось душней...
— Рассказывай сказку — вдруг крикнули дети,
— О Боже, в такую жару!
— Про то расскажи нам, чего не бывает!
— Нет, нет... ни за что... не могу!
Но их было трое. Они так просили И
так приставали ко мне,
Что мне поневоле пришлось Моей
злополучной судьбе.
И стал я рассказывать им про Алису...
Сейчас же примолкли они
И жадно с восторгом внимая рассказу,
Они забывали грести.
Когда ж говорил я: потом вам dokonчу,
Ведь начал рассказ я давно,

С веселым мне смехом они отвечали:

— Потом? Да пришло уж оно!

Так вот как сложился рассказ про Алису, И я досказал его весь...

А то, что с ней было и что с ней случилось, Все в сказке написано здесь.

I. В Кроличьей норке

Алисе надоело сидеть на горке рядом с сестрой и ничего не делать; раза два заглянула она украдкой в книгу, которую читала ее сестра, но там не было ни разговоров, ни картинок. «А какой же толк в книге, — подумала Алиса, если в ней нет ни картинок, ни разговоров?»

Потом она стала соображать (насколько это было возможно, так как в этот невыносимо жаркий день она чувствовала себя сонной и усталой), стоит ли вставать, идти за маргаритками и рвать их, чтобы сплести из них венок, или нет? Вдруг белый кролик с розовыми глазками пробежал мимо нее.

В этом не было, конечно, ничего особенного. Не удивлялась Алиса даже и тогда, когда Кролик

пробормотал про себя: — «Ах, батюшки, я опоздаю!»

Думая об этом впоследствии, Алиса не понимала, как могла она не удивляться, услышав, что Кролик заговорил; но в то время это не казалось ей странным. Однако, когда кролик вынул из жилетного кармана часы взглянув на них, побежал дальше, Алиса вскочила, сообразив, что никогда еще не случалось ей видеть кролика в жилете и с часами. Сгорая от любопытства, она бросилась за ним и успела заметить, как он нырнул в большую лазейку, которая вела в его норку под живой изгородью.

В ту же минуту Алиса нырнула вслед за ним, даже не подумав о том, как она выберется оттуда.

Кроличья норка шла сначала прямо и была похожа на темную пещеру; дальше эта пещера круто обрывалась и притом так неожиданно, что не успела Алиса опомниться, как полетела куда-то вниз, точно в глубокий колодец. Он, наверное, был уж очень глубок, или же Алиса падала слишком медленно, но только она вполне успевала осмотреться и раздумывать о том, что будет дальше.

Сначала она поглядела вниз, но там было так темно, что невозможно было ничего разглядеть. Тогда она оглянулась по сторонам колодца; на них было много шкапов с книгами и полки с посудой, а кое-где висели по стенам географические карты и картины. Пролетая мимо одной полки, Алиса схватила стоявшую на ней банку. На банке был приклеен бумажный ярлычок

с надписью: «Апельсинный мармелад»; однако, к величайшему огорчению Алисы, банка была пуста. Сначала она хотела бросить ее, но, побоявшись попасть кому-нибудь в голову, ухитрилась поставить ее на другую полку, когда пролетала мимо нее.

«После такого падения, — подумала Алиса, — мне уж не страшно будет упасть с лестницы. И дома меня, наверное, будут считать очень смелой. Мне кажется, что если бы я свалилась с крыши даже самого высокого дома, то это было бы не так странно, как свалиться в такой колодец».

Думая так, Алиса падала все ниже, ниже и ниже.

«Неужели этому не будет конца? — подумала она. — Хотелось бы мне знать, сколько миль успела я пролететь за это время? — Я, — прибавила она громко, — должно быть, теперь уже недалеко от центра земли. До него ... км ... до него ... четыре тысячи миль».

Алиса выучилась уже многому во время уроков в своей классной комнате. Положим, теперь было совсем не время выказывать свои познания, да не перед кем было и хвалиться ими, но все таки не мешало освежить их в памяти и повторить пройденное.

— Да, до центра земли четыре тысячи миль. Под какой же я теперь широтой и долготой? — Алиса не имела ни малейшего понятия о широте и долготе,

но ей нравилось произносить такие серьезные ученые слова.

— А может быть, я пролечу через весь земной шар насквозь! — продолжала она. — Как смешно будет увидеть людей, которые ходят головами вниз! Их, кажется, называют анти ... патиями. (Тут Алиса немножко запнулась и порадовалась, что у нее нет слушателей; она почувствовала, что этих людей называют не антипатиями, а как-то по-другому.) Я спрошу у них, в какую страну я попала. «Скажите, пожалуйста, сударыня, Новая Зеландия это или Австралия?» — спрошу я у какой-нибудь дамы (Алиса хотела при этом сделать реверанс, но это было ужасно трудно сделать, падая с огромной высоты). — Только она, пожалуй, сочтет меня глупой, ничему не учившейся девочкой! Нет, лучше не спрашивать. Может быть, я это узнаю как-нибудь иначе.

Прошло уже много времени, а Алиса все продолжала падать. Делать было нечего, и потому она снова начала говорить.

— Дина будет очень скучать без меня сегодня вечером (Дина была кошка). Надеюсь, ей не забудут дать блюдечко молока за вечерним чаем... Дина, моя милочка, как бы мне хотелось, чтобы ты была теперь здесь, со мной! В воздухе, должно быть, нет мышей, но ты могла бы поймать летучую мышь, а она очень похожа на обыкновенную. — Тут Алисе вдруг захотелось спать, и она несколько раз проговорила

сонным голосом: — Едят ли кошки летучих мышек? Едят ли кошки летучих мышек? — Иногда она ошибалась и спрашивала: — Едят ли летучие мышки кошек или нет? — Впрочем, ведь раз некому ответить, то не все ли равно, о чем спрашивать?

Алиса чувствовала, что засыпает, и ей уж приснилось, что она гуляет с Диной и говорит ей: — Скажи мне правду, Диночка, ела ты когда-нибудь летучую мышь? — как вдруг — хлоп! — И Алиса упала на кучу листьев и сухих веток.

Но она ни крошечки ни ушиблась и сейчас же вскочила. У нее над головой было темно. Прямо перед ней тянулся длинный проход и видно было, как белый кролик со всех ног бежит по этому проходу. Нельзя было терять ни минуты. Алиса понеслась за ним, как ветер, и услышала, как он повернув за угол, сказал: «Ах, мои ушки и усики! Как же я опоздал!»

Алиса была совсем близко от него, когда он повернул за угол; она бросилась туда же, но кролик вдруг исчез. И она осталась одна в длинной низкой комнате, освещенной целым рядом ламп, свешивавшихся с потолка.

Кругом комнаты было множество дверей, но все они были заперты. Алиса пробовала отворить их, но это не удалось ей, и она вернулась на середину комнаты, грустно раздумывая о том, как бы ей выбраться отсюда.

Вдруг она набрела на столик из толстого стекла и очень обрадовалась, увидев на нем золотой ключик. Ей тотчас же пришло в голову, что им можно отпереть какую-нибудь из дверей. К несчастью, ключ не подошел ни к одной из них; то он был слишком велик, то чересчур мал.

Обходя во второй раз кругом комнаты, Алиса обратила внимание на занавеску, которой не заметила раньше. Приподняв ее, она увидела низенькую дверку, в поларшина вышиной. Она попробовала вложить ключ в замочную скважину, и к ее величайшему восторгу, он как раз пришелся.

Алиса отворила дверь и вошла в маленькую комнатку. В одной из ее стен был около самого пола крошечный, величиной с мышиную норку, вход куда-то, откуда лился яркий солнечный свет. Алиса стала на колени, посмотрела туда и увидела самый чудный сад, какой только можно себе представить. Ах, как бы хорошо пойти туда и погулять около клумб с яркими цветами и фонтанов! Но даже голова Алисы не могла пройти во вход, ведущий в сад. «Да и что толку, если бы она прошла? — подумала Алиса. — Все равно, плечи бы не прошли, а на что годится голова без плеч? Как бы я желала уметь складываться, как подзорная трубка! Может быть, я сумела бы это сделать, если бы только знала с чего начать».

Столько удивительных вещей случилось в этот день, что Алисе уже начало казаться, что нет ничего

невозможного. Так как в маленькую дверку никак нельзя было пройти, то нечего было и стоять около нее. Ах, как хорошо, если бы можно было сделаться совсем маленькой! Алиса вернулась к столу: на нем, может быть, найдется еще какой-нибудь ключ. Никакого ключа не было, зато Алиса увидела пузырек, которого — она была вполне уверена в этом — раньше здесь не было. На бумажке, привязанной к пузырьку, было красиво написано крупными печатными буквами: «Выпей меня».

Ничего не стоило, конечно, написать: «Выпей меня», можно было, пожалуй и выпить; но Алиса, как девочка умная, не хотела торопиться и поступить необдуманно. "Сначала посмотрю, — подумала она, — не написано ли на пузырьке «яд». Она читала много разных хорошеньких страшных рассказов про детей. Иногда дети, о которых в них говорилось, получали смертельные ожоги и умирали; иногда их съедали дикие звери или вообще случалось с ними что-нибудь другое, такое же неприятное. А почему? Да только потому, что они поступали необдуманно и забывали, что им говорили папа и мама; например, что о раскаленную кочергу сильно обожжешься, если схватишься за нее, а если обрежешь палец ножом, то из пальца пойдет кровь. Но Алиса хорошо помнила все это; помнила она также, что не следует пить из пузырька, на котором написано «яд», потому что от этого заболеешь.

На пузырьке не было написано слово «яд», и Алиса решила попробовать то, что было налито в нем. А так как оно оказалось очень вкусным и напоминало в одно и то же время пирог с вишнями, жареную индейку, печенье, ананас и поджаренные тартинки с маслом, то Алиса выпила все до капли.

...

— Как странно — воскликнула Алиса. — Мне кажется, я складываюсь, как подзорная трубка!

Так оно и было на самом деле. Алиса сделалась совсем крошкой, ростом всего в шесть вершков. Лицо ее просияло при мысли, что теперь ей можно будет пройти в маленький вход и погулять в чудном саду. Сначала, однако, она постояла немного, чтобы узнать, не станет ли она еще меньше. Это очень смущало ее.

«Ведь может случиться, — думала она, — что я буду делаться все меньше и меньше, как свеча. Какая же я буду тогда?» И она старалась представить себе, каков бывает огонь, когда свеча догорит и потухнет, но не могла припомнить, чтобы хоть раз видела такой огонь.

Через несколько времени, убедившись, что она уже не становится меньше, Алиса решила тотчас же отправиться в сад; но, подойдя к дверке, вспомнила, что не взяла с собой золотого ключика. А когда она пошла за ним к столу, то увидела, что не может достать до него. Она совершенно ясно видела ключ сквозь стекло и попробовала было добраться до него, вскарабкавшись по ножке стола, но это не удалось ей,

потому что ножка была очень скользкая. Алиса пробовала взбираться по ней несколько раз, но все неудачно. Наконец, совсем выбившись из сил, бедная девочка села на пол и заплакала.

— Ну, полно плакать! Этим ведь не поможешь! — строго сказала она себе через некоторое время. — Советую тебе перестать! Все равно из этого не выйдет никакого толку!

Алиса часто давала себе очень разумные советы, но довольно редко следовала им. Иногда она давала себе такие строгие выговоры, что слезы навертывались у нее на глазах; а раз она даже выдрала себя за уши за то, что сплутовала, играя в крокет сама с собой. Эта странная девочка очень любила воображать, что в ней живут два человека.

«Но теперь не стоит воображать, что во мне два человека! — думала бедная Алиса. — От меня осталось так мало, что едва-едва хватит и на одну девочку».

Вскоре после этого она увидела маленькую стеклянную коробочку, лежавшую под столом. В ней оказался пирожок, на котором было красиво выложено коронкой: «Съешь меня».

— Отлично, я попробую съесть этот пирожок, — подумала Алиса. — Если я сделаюсь от этого больше, то достану ключ, а если стану меньше, то пролезу под дверь. И во всяком случае мне можно будет пойти в сад.

Она откусила маленький кусочек и приложила руку к голове, чтобы посмотреть, поднимается она или опускается. К ее величайшему удивлению, голова ее не поднялась и не опустилась. Это, положим, бывает всегда, когда ешь пирожок; но Алиса так привыкла ожидать только чего-нибудь чудесного, что все обыкновенное уже казалось ей странным.

Она опять откусила кусочек пирожка и живо съела его весь.

II. Слезный пруд

— Господи! Что же это такое? — воскликнула вдруг Алиса. — Я начинаю раздвигаться, как огромная, самая огромная подзорная труба! Прощайте, ноги!

Когда она взглянула вниз, ей показалось, что ноги ее едва видны, до того далеко были они от головы.

— Мои бедные маленькие ножки! Кто же будет теперь надевать на вас чулки и башмаки? Я буду слишком далеко, чтобы о вас заботиться. Устраивайтесь сами, как знаете... Но я должна быть добра к ним, — задумчиво проговорила она, — а то они, пожалуй, не захотят идти туда, куда мне нужно. Что бы мне сделать для них? Да вот что: я буду покупать им новую

пару туфелек к каждому Рождеству. — И Алиса стала раздумывать, как устроить это.

«Туфли придется присылать с посыльным, — думала она. — Как смешно будет делать подарки своим собственным ногам! И как странно будет надписывать:

«Милостивой государыне правой ногое Алисы. Посылаю вам предкаминный коврик, чтобы вам было теплее. Сердечный привет от Алисы».

— Что это, какие глупости мне приходят в голову!

Тут Алиса стукнулась головой о потолок, так как была теперь ростом чуть не в полторы сажени. Вспомнив, что хотела идти в сад, она схватила золотой ключик и побежала ко входу.

Но бедная девочка и не думала о том, что будет не в состоянии пройти в него. Она могла только, лежа на боку, смотреть в сад одним глазком. При этой новой неудаче Алиса снова села на пол и заплакала.

— Как тебе не стыдно! — через несколько времени воскликнула она. — Такая большая девочка и плачет! Перестань сию же минуту, слышишь?

Но, несмотря на это, она продолжала плакать. Слезы ручьями лились у нее из глаз, и скоро кругом нее образовался пруд вершка в три глубины и залил собою половину пола в зале.

Вдруг вдали послышались быстрые, легкие шаги — они приближались к Алисе. Она торопливо вытерла глаза, чтобы посмотреть, кто идет.

Это возвращался белый кролик, великолепнейшим образом расфранченный, с парой белых лайковых перчаток в одной руке и с большим веером в другой. Он шел очень торопливо, бормоча про себя:

— Ах, герцогиня, герцогиня! Она страшно рассердится за то, что я заставил ее дожидаться.

Алиса была в таком отчаянии, что готова была обратиться за помощью ко всякому. А потому, когда кролик подошел ближе, она проговорила тихим, робким голосом:

— Прошу вас, господин кролик...

Но она не успела договорить. Кролик задрожал всем телом, выронил свои лайковые перчатки и веер и, бросившись со всех ног, скрылся в темноте.

Алиса подняла упавшие вещи и стала обмахиваться веером, потому что в комнате было очень жарко.

— Боже мой, какие все странные вещи случаются сегодня! — сказала она. — А вчера все шло как обыкновенно. Не переменялась ли я сама за ночь? Постараюсь вспомнить. Такая ли я была, как всегда, когда встала утром? Мне кажется, как будто я была немножко другая. Кто же я теперь? Вот в чем загадка.

И Алиса стала припоминать всех своих знакомых девочек одних с нею лет, чтобы решить, в которую из них она могла превратиться.

— Я, наверное, не Ада, — сказала она. — У нее длинные вьющиеся волосы, а мои совсем не вьются.

Я и не Мабель, потому что я уже выучилась многому, а она не знает почти ничего. К тому же ведь Мабель и есть Мабель, а я — я. Господи, как все это странно и непонятно! Посмотрим, знаю ли я теперь то, что знала раньше... Четырежды пять — двенадцать, четырежды шесть — тринадцать, четырежды семь... Что же это? Ведь так я никогда не дойду до двадцати! Да и потом ведь таблица умножения — это совсем не важно. Лучше спрошу себя из географии. Лондон — столица Парижа, Париж — столица Рима, Рим... нет, я уверена, что все это не так! Должно быть, я стала Мабелью. Попробую сказать стихи про маленького крокодила.

Алиса сложила руки, как делала всегда, отвечая уроки, и начала говорить стихи, но голос ее был какой-то хриплый, а слова как-будто немножко изменились:

Малютка-крокодил в волнах Хвост
золотой купает,
И в ярких солнечных лучах
Им плещет, им играет.
Малютка-крокодил, резвясь, И
мило так, когтями Пленяет
рыбок и, смеясь, Глотает их с
хвостами!

— Нет, я и тут что-то напутала! — воскликнула бедная Алиса, и у нее на глазах навернулись слезы. — Должно быть, я стала Мабелью и мне придется жить

в тесном неуютном домике, и у меня не будет моих игрушек, и я должна буду учить много-много уроков!... Нет, я решила: если я Мабель, я останусь здесь, под землей. Если кто-нибудь просунет голову сверху и скажет: «Иди сюда, милочка!», я только посмотрю наверх и спрошу: «Кто я? Сначала скажите мне это, и если мне понравится быть тем, кем я сделалась, то я пойду наверх. А если нет, то я останусь здесь до тех пор, пока не сделаюсь кем-нибудь другим...» Но как бы мне хотелось, — воскликнула Алиса, и слезы вдруг хлынули у нее из глаз, — как бы мне хотелось, чтобы кто-нибудь поглядел сюда вниз! Мне так наскучило быть здесь совсем одной!

Сказав это, Алиса опустила глаза и к удивлению своему увидела, что надела на руку маленькую перчатку кролика. «Должно быть, я опять стала маленькой», — подумала она и, вскочив, подошла к столу, чтобы измерить свой рост.

Да, она стала гораздо, гораздо ниже — теперь она была всего вершков четырнадцати ростом и с каждой минутой становилась все меньше и меньше. Алиса догадалась, отчего это происходит — оттого, конечно, что она держит веер кролика. Она поспешила бросить его и как раз вовремя, а то от нее не осталось бы ничего.

— Я едва-едва спаслась! — воскликнула Алиса, очень довольная, что все кончилось благополучно. — Ну, теперь в сад!

И она побежала к маленькой дверке. Но дверка была опять заперта, и золотой ключик снова лежал на стеклянном столе.

«Все неудачи и неудачи! — подумала бедная девочка. — Такой маленькой я еще никогда не была. Это очень неприятно, даже отвратительно!»

Думая это, она поскользнулась. Послышался всплеск, полетели брызги и, она очутилась по самую шею в соленой воде. Сначала ей показалось, что она упала в море. «В таком случае, — подумала она, — я могу вернуться домой на пароходе».

Алиса была на морском берегу только раз в жизни и думала, что все морские берега точь в точь такие же. На отмели дети всегда роют деревянными лопатками песок, подальше тянется ряд домов, а у берега стоят пароходы. Однако Алиса вскоре поняла, что попала не в море, а в пруд, который образовался из ее слез, когда она была в полторы сажени ростом.

— Как жаль, что я плакала так долго! — сказала Алиса, плавая в слезах и стараясь выбраться из пруда. — Пожалуй, кончится тем, что я утону в моих собственных слезах! Как странно это будет! Впрочем, сегодня все странно!

В это время недалеко от нее послышался плеск, и она поплыла в ту сторону, чтобы посмотреть, кто там. В первую минуту ей пришло в голову, что это морж или бегемот, но она вспомнила, какой стала крошечной,

и поняла, что плывет мышка, которая, должно быть, так же, как и она сама, нечаянно упала в пруд.

«Будет ли какой-нибудь толк, если я заговорю с этой мышкой? — подумала Алиса. — Здесь все такое необыкновенное, что, может быть, и она умеет говорить. Во всяком случае, ничего дурного не будет, если я попробую».

— Не знаешь ли ты, мышка, куда нужно плыть, чтобы выбраться из этого пруда? — спросила она. — Я очень устала плавать, милая мышка!

Мышка пытливо взглянула на нее и как будто прищурила один глаз, но ничего не ответила.

«Должно быть, она не понимает по-английски, — подумала Алиса. — Может быть это французская мышка, прибывшая с Вильгельмом Завоевателем».

— *Ou est ma chatte?* — сказала она первую фразу из своего французского учебника.

Мышка подпрыгнула и задрожала от страха.

— О, простите меня, пожалуйста! — поспешила сказать Алиса, от души жалея, что так напугала бедную мышку, — я забыла, что вы не любите кошек.

— Не люблю кошек! — пронзительно дрожащим голосом воскликнула мышка.

— А любили бы вы их на моем месте?

— Должно быть, нет, — кротко ответила Алиса. — Пожалуйста, не сердитесь. А мне все-таки очень

хотелось бы показать вам нашу кошку Дину. Вы, я думаю, полюбили бы кошек, если бы увидели ее. Она такая хорошенькая! А как мило мурлычет она, когда сидит около огня, лижет себе лапки и умывает мордочку. Я очень люблю держать ее на руках, и она молодец: великолепно ловит мышей! — Ах пожалуйста, простите! — снова воскликнула Алиса, видя, что мышка до того обиделась и испугалась, что вся шерсть поднялась у нее дыбом. — Мы не будем больше говорить про нее!

— Мы! — воскликнула мышка, дрожа до самого кончика хвоста, — как будто я стану говорить про такие вещи! Все наше племя ненавидит кошек — этих мерзких, низких, грубых животных! Не произносите больше при мне этого слова!

— Не буду, — ответила Алиса и, спеша поскорее переменить разговор, спросила:

— Любите ли вы собак?

Так как мышка не ответила ни слова, то Алиса снова заговорила:

— Около нашего дома живет такая миленькая собачка. Мне очень бы хотелось показать ее вам. Это террьер — вы знаете их? У него хорошенькие, блестящие глазки и длинная кудрявая шерсть. И он поднимает вещи, если бросишь ему, и служит, когда хочет, чтобы ему дали пообедать, или просит чего-нибудь вкусного. Это собачка фермера, и он

говорит, что она очень полезна ему, что он не возьмет за нее и ста рублей. Он говорит, что она отлично убивает крыс, и мы... Ах, Господи, я опять испугала ее! — жалобно воскликнула Алиса, видя, что мышка торопливо поплыла от нее, так сильно загребая ногами, что волны пошли по пруду, и поднялась на нем буря.

— Милая мышка! — ласково позвала она ее. — Пожалуйста, вернитесь! Мы не будем больше говорить ни про кошек, ни про собак, если вы не любите их.

Услыхав это, мышка повернула назад и тихонько поплыла. Мордочка у нее побледнела («оттого, что она очень рассердилась», — подумала Алиса), и она сказала чуть слышно, дрожащим голосом, обращаясь к Алисе:

— Поплывем к берегу. Там я расскажу вам мою историю, и вы поймете, почему я ненавижу кошек и собак.

Да и пора было плыть к берегу: в пруду теснилось теперь множество животных и птиц, случайно попавших туда. Тут были: утка, додо, попугай Лори, орленок и много других. И Алиса вместе со всеми поплыла к берегу.

III. Скачки наперегонки

и длинный рассказ

Странное общество собралось на берегу: птицы с испачканными в грязи перьями, животные с прилипшей к телу шерстью. Все они вымокли до того, что с них текла вода, и все были мрачны.

Прежде всего нужно было, конечно, подумать о том, как бы обсушиться. Птицы долго толковали об этом; Алиса тоже принимала участие в разговоре и относилась к ним так дружески и запросто, как будто знала их всю жизнь. И это совсем не казалось ей странным. Она довольно долго спорила с Лори, райским попугаем, который под конец нахмурился и сказал: «Я старше тебя и потому знаю больше». Но Алиса не могла согласиться с этим, не имея понятия о том, сколько ему лет. Лори самым решительным образом отказался сказать свои годы и после этого уж, конечно, нечего было говорить.

— Если вы все сядете и выслушаете меня, — сказала мышка, которая по-видимому, пользовалась в этом

обществе большим влиянием, — то вы скоро высохнете.

Все тотчас же сели в кружок, а мышка поместилась посередине. Алиса тревожно смотрела на нее: она была уверена, что может простудиться, если платье ее не скоро высохнет.

— Г-м! — важно сказала мышка. — Уселись? Вы сразу высохнете от моего рассказа, так как более сухой материи я не знаю. Попрошу вас молчать и сидеть, как можно тише: Вильгельм Завоеватель имел большую поддержку в папе. Папа взял его сторону, и Вильгельм мог предложить свои услуги Англии. Предложение его было принято, так как англичане сильно нуждались в полководцах. Он же привык к завоеваниям и победам. Эдвин и Моркар, графы Мерсии и Нортумберлэнда...

— Уф! — вздрогнув, сказал Лори.

— Извините, — сказала очень вежливо, но сильно нахмурившись, мышь. — Что вы изволили сказать?

— Ровно ничего! — ответил Лори поспешно.

— Я, значит, ошиблась: мне показалось, что вы что-то сказали, — заметила мышь. — Итак, я продолжаю. Эдвин и Моркар, графы Мерсии и Нортумберлэнда, объявили себя на стороне Вильгельма, и даже Кэнтербурыйский архиепископ Стайдженд, известный патриот, нашел это благоразумным.

— Нашел что? — спросила утка.

— Нашел это, — сказала мышь раздраженным голосом. — Вы, конечно, поняли, что значит «это».

— Я отчетливо понимаю, что значит «это», когда сама что-нибудь нахожу, — заметила утка. — Это обыкновенно лягушка или червяк. Но спрашивается, что нашел архиепископ?

Мышь оставила без внимания этот вопрос и поспешно продолжала. — Нашел это благоразумным и сам отправился с Эдгаром Аселинг навстречу Вильгельму Завоевателю и предложил ему корону. Вильгельм вел себя сначала очень скромно, но дерзость нормандцев... Ну, как вы себя теперь чувствуете, душенька? — прибавила мышка, неожиданно обращаясь к Алисе.

— Я все такая же мокрая, — грустно ответила Алиса, — я ни крошечки не высохла. Ваша сухая материя не помогает.

— В таком случае, — торжественно проговорил Додо, вскочив с места, — предлагаю собранию принять более радикальные меры и... отложить заседание.

— Говори понятнее! — прервал его орленок, — я не понимаю и половины твоих ученых слов, да думаю, что и сам ты не понимаешь их, — прибавил он и нагнул голову, чтобы скрыть улыбку. А некоторые из присутствующих не могли удержаться от смеха и довольно громко захихикали.

— Я хотел сказать, — обиженно проговорил Додо, — что мы просохнем всего скорее, если устроим скачки наперегонки.

— Что такое — скачки наперегонки? — спросила Алиса.

— Чтобы объяснить, что это такое, всего лучше это устроить. (И так как сами вы, наверно, захотите это устроить когда-нибудь зимою, я вам расскажу, как это устроил Додо.)

Он выбрал подходящее место и предложил, чтобы кто-нибудь дал знак, когда начать, прокричав «Раз-два- три!», но никто этого не делал и всякий бежал, когда хотел, и останавливался, когда уставал. Прошло с полчаса, и все уже успели высохнуть.

— Довольно! Скачки кончены! — крикнул Додо.

Все окружили его.

— Кто же остался победителем? — спрашивали они. — Кто взял приз?

Додо не мог ответить на этот вопрос, не подумавши, и долго стоял, приложив коготь ко лбу, а участники скачек смотрели на него молча и ждали.

— Все остались победителями; все взяли приз, и каждому он должен быть выдан! — наконец решил Додо.

— А кто же будет выдавать их? — крикнуло множество голосов.

— Конечно, она, — ответил Додо, показав на Алису.

— Призы!... Призы!... — закричали все, бросившись к Алисе.

Она растерялась и, не зная, что делать, опустила руку в карман. К счастью, в нем нашлась коробочка конфет, не испорченных соленой водой. Она стала раздавать их, как призы, и как раз по одной досталось каждому.

— Но ведь и она сама должна получить приз, — сказала мышка.

— Конечно, — согласился Додо.

— Нет ли у тебя еще чего-нибудь в кармане? — спросил он, обратившись к Алисе.

— Только один наперсток, — грустно ответила она.

— Давай его сюда, — сказал Додо.

Все окружили Алису, а Додо торжественно вручил ей наперсток, сказав при этом:

— Просим тебя принять эту изящную вещицу! — и со всех сторон раздались восторженные крики и рукоплескания.

Церемония эта показалась Алисе очень глупой, но все смотрели так серьезно, что она не решилась засмеяться. Не зная, что сказать, она молча поклонилась и взяла наперсток, стараясь тоже смотреть как можно серьезнее.

Затем общество принялось за конфеты, и скоро послышался шум и недовольные крики. Большие птицы жаловались, что совсем не могли разобрать вкус конфет, а маленькие давились ими и их приходилось хлопать

по спине. Наконец, конфеты были съедены. Все снова уселись и попросили мышку рассказать еще что-нибудь.

— Ты обещала рассказать мне свою историю, — сказала Алиса, — и объяснить, почему ты не любишь «к» и «с». — Она не решилась сказать «кошек» и «собак», да и одну начальную букву произнесла шопотом, чтобы не обидеть и не испугать мышки.

— Моя история очень длинная и грустная, — со вздохом сказала мышка, обернувшись к Алисе, — но, выслушав ее, не надо меня называть хвастуньей, а помнить только, что я способна на мужество и самопожертвование.

— Ваша история, наверно, интересна, — ответила Алиса, глядя на хвост мышки, — но все же название хвастунья очень вам к лицу, и я понять не могу, почему оно вам не нравится.

Пока мышь говорила, Алиса все время в упор глядела на мышиный хвост, — вот почему рассказ представился ей в следующем виде:

Лайка, встретившись
С мышкою, ей говорит:
Нам надо, голубка, судиться,
И нашей ссоре все будут
Дивиться. А ты не
Подумай вилять И
не жди

Пощады от Лайки,
Мышь, впереди!..

Мышь

Лайке

Ответить

Сумела;

Судиться Она

совсем я Не

хотела.

Но старая

Лайка

Шипела,

Пыхтела И

кончила

Тем,

Что

Вдруг

Заявила:

Мышь!

Я тебя

Съем!

— Вы, кажется, не слушаете меня! — вдруг строго
сказала мышка, взглянув на Алису. — О чем вы

думаете?

— Нет, я слушаю внимательно, — кротко ответила Алиса, — вы дошли до пятого изгиба... если не ошибаюсь.

— Я дошла до так называемого узла...

— Узел на хвостике! — воскликнула Алиса, всегда готовая оказать услугу. — О, дайте мне его развязать!

— Не дам! — сказала мышь, вставая, чтобы уйти. — Предложения ваши нелепы и оскорбительны!

— Я не хотела вас оскорбить, — взмолилась Алиса, — но вы право слишком обидчивы!

Мышь только проворчала что-то в ответ.

— Вернитесь, пожалуйста, и доскажите свою историю! — крикнула Алиса. Все остальные тоже начали упрашивать мышку вернуться, но она нетерпеливо покачала головой и прибавила шагу.

— Как жаль, что мышка ушла! — сказал Лори, когда она пропала из виду.

А старый краб, воспользовавшись случаем, сказал младенцу крабу:

— Ах! Миленький мой! Прими во внимание этот урок и никогда не выходи из терпения!

— Замолчи, папа, — резко ответил младенец краб, — ты сам способен вывести из терпения даже терпеливую устрицу!

— Хорошо, если бы Дина была здесь! — воскликнула Алиса. — Она живо вернула бы ее назад.

— А кто такая Дина, если смею спросить? — сказал Лори.

— Это наша кошка, — горячо проговорила Алиса; она всегда была готова рассказывать про свою любимицу. — Она отлично ловит мышей! А посмотрели бы вы, как она охотится за птицами! Она в одну минуту схватывает и съедает маленькую птичку!

Слова Алисы сильно взволновали общество.

— Мне пора домой! — сказала старая сорока. — От холодного воздуха у меня может заболеть горло.

А канарейка дрожащим голосом звала своих птенчиков:

— Скорее, дети! — кричала она. — Вам давно уже пора спать.

Все, ссылаясь на какую-нибудь уважительную причину, улетали или уходили, и через несколько минут Алиса осталась одна.

— Как жаль, что я упомянула о Дине, — грустно проговорила она. — Никто здесь, по-видимому, не любит ее, а между тем, другой такой хорошенькой кошки не найдется во всем свете! Ах, моя милочка Дина! Неужели я никогда не увижу тебя?

Тут бедная Алиса снова заплакала: она чувствовала себя несчастной и одинокой!

Через несколько времени недалеко от нее слышались шаги. Тогда она обернулась в ту сторону, надеясь, что мышка передумала и возвращается назад, чтобы досказать свою историю.

IV. Кролик посылает Билля к себе в дом

Но это была не мышка, а белый кролик. Он тихо шел назад и тревожно осматривался по сторонам, как будто потерял что-то. И Алиса услышала, как он пробормотал про себя:

— Что-то скажет герцогиня? Ах, вы лапки мои золотые! Ах, мои усики и бедная моя шкурка! Она велит меня казнить; это так же верно, как то, что хорек — хорек! И где это я мог потерять их?

Алиса сейчас же догадалась, что кролик ищет свои лайковые перчатки и веер; чтобы помочь ему, она тоже стала искать их. Но их не было нигде. Все изменилось и стало другим с тех пор, как она упала в пруд. Даже

низкая и длинная комната со стеклянными столиком и маленькой дверкой куда-то исчезла.

Увидев Алису, кролик сердито крикнул ей:

— Что ты тут делаешь, Мэри-Анна? Беги сию же минуту домой и принеси мне веер и пару перчаток. Живо!

Алиса до того перепугалась, что тотчас же побежала в ту сторону куда показывал кролик, даже не объяснив ему, что он ошибся.

«Он принял меня за свою горничную! — думала она. — Как он удивится, когда узнает, что это я. Постараюсь принести ему веер и перчатки, если только найду их!»

Только что подумала это Алиса, как увидела хорошенький маленький домик с блестящей медной дощечкой на двери, на которой было изящно выгравировано: «Б. кролик». Алиса вбежала в домик, не постучавшись, и бросилась вверх по лестнице. Она ужасно боялась, что встретится с настоящей Мэри-Анной и та прогонит ее из дому прежде, чем она найдет веер и перчатки.

— Как странно, что мне приходится исполнять поручения кролика! — сказала Алиса. — Пожалуй, потом я и у Дины буду служить на посылках!

И Алиса представила себе, как это будет: «Мисс Алиса», скажет няня, — идите скорее одеваться, пора идти гулять. — «Я сейчас не могу, няня, — ответит она

сама. — Дина велела мне сидеть до ее прихода около вот этой щелочки и сторожить мышку. Дине нужно знать, выходила ли она оттуда». — Только, если Дина вздумает так распоряжаться, — сказала Алиса, — то ее, наверное, не станут держать в доме.

С этими словами Алиса вошла в маленькую чистенькую комнатку; около окна стоял стол, а на нем лежал веер и две пары белых лайковых перчаток. Алиса схватила одну пару и веер и уже хотела уходить, как вдруг увидела пузырек, стоявший около зеркала. На нем не было ярлыка с надписью «Выпей это», но Алиса все-таки вынула пробку и приложила пузырек к губам.

«Когда я пью или ем здесь, — подумала она, — всегда случается что-нибудь необыкновенное. Посмотрю, что будет, если я выпью из этого пузырька. Хорошо, если бы я стала немножко побольше; мне уже надоело быть такой крошкой».

Она, действительно, стала больше и гораздо скорее, чем ожидала. Не успела она выпить и половины пузырька, как почувствовала, что голова ее подпирает потолок. Испугавшись, что у нее сломается шея, Алиса поскорее поставила пузырек на место.

— Довольно, — сказала она. — Надеюсь, что я не сделаюсь еще больше. Я и теперь буду не в состоянии выйти из домика. Ах, зачем я выпила так много!

Но этого уже нельзя было поправить. И Алиса все еще не перестала расти. Скоро ей пришлось стать на колени, потом сесть, и, наконец, полулежа, упереться локтем в дверь. Однако и после этого она продолжала делаться все больше и больше. В конце-концов она должна была просунуть одну руку в открытое окно, а одну ногу положить на камин.

— Ну, кроме этого, я уже ничего сделать не могу, если стану еще больше, — сказала она; — что-то со мною будет!

К счастью для Алисы, волшебная бутылочка произвела на нее уже все свое действие, и она, наконец, перестала расти. Но во всяком случае она попала в большую беду. Не видя никакой возможности выйти из домика, она почувствовала себя несчастной, чему нельзя удивляться.

«Дома было гораздо лучше, — думала бедная девочка. — Там я не делалась ни больше, ни меньше, и кролики и мыши не распоряжались мною. Очень жаль, что я пошла в кроличью норку, а между тем... между тем, все же интересно пожить такую жизнью... Когда я читала волшебные сказки, мне казалось, что таких необыкновенных вещей никогда не бывает, а теперь такие же необыкновенные вещи случились со мной. Нужно было бы написать книжку про меня. Когда я вырасту, то напишу... впрочем я уже выросла, — грустно прибавила она, — делаться еще больше мне нельзя, по крайней мере, здесь»

«Буду ли я становиться старше или нет? — продолжала думать Алиса. — Хорошо, если я никогда не сделаюсь старухой, но зато мне всегда придется учить уроки. Нет, нет, это было бы очень неприятно!»

— Какая ты глупая, Алиса! — вдруг воскликнула она. — Ну, разве можно учиться здесь? Тут даже и для тебя-то едва хватает места, а учебники совсем некуда положить.

Еще несколько времени продолжала Алиса разговаривать сама с собою, как вдруг около дома послышался голос кролика. Она стала прислушиваться.

— Мэри-Анна! Мэри-Анна! — кричал кролик. — Принеси мне перчатки, сию же минуту!

Потом легкие шаги стали подниматься по лестнице вверх. Испугавшись, что кролик взойдет и увидит ее, Алиса задрожала так, что затрясся дом, она совсем забыла, что стала теперь чуть не в тысячу раз больше кролика и потому ей нечего бояться его.

Между тем, кролик взошел на лестницу и попробовал открыть дверь; но так как она отпиралась вовнутрь и в нее упирался локоть Алисы, то это, конечно, не удалось ему.

— Обойду кругом, — сказал он, — и влзу в окно.

«Ну, нет, этого не будет», — подумала Алиса. Она стала прислушиваться и когда услышала, что кролик подошел к окну, высунула из него руку, а потом быстро сжала пальцы в кулак, как будто хотела схватить что-то.

Она, конечно, ничего не поймала, но услышала слабый, жалобный визг и звон разбитого стекла.

«Должно быть кролик упал на парниковую раму или на что-нибудь в этом роде и разбил стекло», — подумала она.

— Пат! Пат! — через минуту сердито закричал кролик, — где ты там?

— Я здесь, сударь, — ответил какой-то незнакомый голос. — Я рою ямку для яблок.

— Роешь ямку? — все так же сердито проговорил кролик. — Поди-ка сюда да помоги мне!

Послышалась какая-то возня и снова зазвенели разбитые стекла.

— А теперь скажи мне, Пат, что это такое в окне?

— Конечно, рука, сударь.

— Рука? Этаким гусь! А видал ты когда-нибудь руки такой величины? Ведь она заняла все окно!

— Видать не видал, сударь. Но это все-таки рука.

— Ну, ей тут совсем не место. Ступай и убери ее! Затем наступило продолжительное молчание, и только изредка слышался шепот: «Нет, я не могу, сударь, не могу!»

— А я говорю, что ты должен сделать это, трус ты этаким!

Алиса опять протянула руку с таким движением, точно она хватается за воздух, и на этот раз послышались два взвизга и сильный треск разбитого стекла.

«Сколько у них парниковых рам! — подумала Алиса. — Интересно, что дальше будет. Я очень бы желала, чтобы им удалось вытащить меня отсюда! — подумала Алиса. — Мне совсем не хочется оставаться здесь».

Несколько времени продолжалась глубокая тишина. Потом послышался стук маленьких колес, и несколько голосов заговорило сразу:

— Где же другая лестница? — Я принес только одну, другая у Билля. — Тащи ее сюда, Билль! — Поставьте их вот к этому углу! — Нет, нужно сначала связать их: они слишком коротки. — Ну, вот теперь хорошо. — Иди сюда, Билль, держи вот эту веревку! — А крыша выдержит? — Смотрите, одна черепица шатается, берегите головы! (Раздался страшный треск и грохот). — Кто это сделал? — Должно быть, Билль! — А кто полезет в трубу — ты? Ну, уж нет, полезай сам! — Не хочу и я! — Пусть лезет Билль. — Иди сюда, Билль! Твой господин велит тебе лезть в трубу!

«Значит Билль спустится ко мне через трубу, — подумала Алиса. — Они, кажется, все взваливают на Билля! Не хотела бы я быть на его месте... Камин очень узок, но моя нога все-таки пройдет в него».

Она просунула ногу в камин, насколько могла дальше и когда что-то маленькое стало, царапаясь, спускаться в трубу, она подумала: «Это Билль!» — и стукнула ногой.

Сначала послышался шорох, а потом несколько голосов закричало сразу:

— Вон вылезает Билль!

— Держите его! Он упадет! — закричал белый кролик.

Несколько времени все молчали, а потом снова заговорили сразу:

— Поддерживай ему голову!... Дай ему теперь немного коньяку! Не задуши же его! — Что с тобой, старина? — Что такое случилось? — Расскажи нам! — Потом до Алисы донесся слабый, дрожащий голос. («Это говорит Билль», — подумала она): — Я и сам не знаю что... Нет, довольно, благодарю вас... Теперь мне лучше, но я еще слишком взволнован, чтобы припомнить все. Знаю только, что вдруг поднялось ко мне снизу что-то огромное, раздался страшный грохот, и я вылетел из трубы, как ракета!

— Да, совсем как ракета, старина! — закричали все.

— Придется поджечь дом! — сказал кролик. Услышав это, Алиса тотчас же закричала, насколько могла громче:

— Если вы сделаете это, я напущу на вас Дину!

После ее слов наступила глубокая тишина.

«Что-то они придумают теперь? — подумала Алиса. — Будь они поумнее, они разобрали бы крышу».

Через минуту снова послышался шум около домика, и кролик сказал:

— Одной тачки, полагаю, будет достаточно.

«Одной тачки с чем?» — подумала Алиса.

Она очень скоро узнала это. Град маленьких камешков посыпался к ней в окно и некоторые из них попали ей в лицо.

«Нужно остановить их», — подумала она и крикнула:

— Не советую вам повторить сделанное! После этого снова наступила мертвая тишина.

Алиса с удивлением увидела, что попавшие в комнату камешки превратились в пирожки.

«Попробую съесть пирожок, — подумала она, — наверное от этого изменится мой рост. А так как больше я сделать не могу, то значит стану меньше».

Она съела пирожок и с радостью заметила, что, действительно, сделалась меньше. Когда рост ее уменьшился настолько, что ей уже можно было пройти в дверь, она выбежала из домика и увидела целую толпу животных и птиц, собравшихся под окном. Бедный Билль — маленькая ящерица — лежал посередине; две гвинейские свинки поддерживали его и давали ему что-то пить из бутылки.

Как только Алиса показалась, все бросились к ней, но она убежала от них и скоро очутилась в густом лесу.

«Прежде всего, — подумала Алиса, идя по лесу, — мне нужно сделаться побольше, такой же, какой я была дома, а потом найти дорогу в чудный сад. Думаю, что это, пожалуй, лучший план действий».

План был на самом деле хорош и весьма ловко задуман; единственное затруднение состояло в том, что Алиса положительно не знала, как привести его в исполнение. В то время, как она тревожно бродила между деревьями, отыскивая дорогу, у нее над головой раздался отрывистый лай и она с испугом подняла глаза.

Огромный щенок, сидя на ветке, глядел на нее большими круглыми глазами и протягивал лапу, стараясь ее тронуть.

— Бедная крошка! — сказала Алиса как можно ласковее и хотела свистнуть, но не могла. Она ужасно боялась, что собака голодна и, пожалуй, вздумает съесть ее, несмотря на все ее задабривания.

Сама не зная зачем, она подняла маленькую веточку и протянула ее щенку. Тот взвизгнул от радости, соскочил на землю и бросился к Алисе, делая вид, как будто хочет разорвать веточку на кусочки.

Алиса, боясь попасть собаке под ноги, спряталась за высокий чертополох. Но когда она выглянула с другой стороны чертополоха, щенок снова кинулся

на веточку и перекувырнулся, спеша поскорее схватить ее. Алиса, отлично сознавая, что ей, при теперешнем ее росте игра со щенком равнялась бы игре с упряжной лошастью, и в ужасе, что щенок может затоптать ее лапами, опять спряталась за чертополохом, а щенок, громко лая, то кидался к нему, то отпрыгивал от него. Наконец он сел довольно далеко от Алисы и, высунув язык, тяжело дыша, полузакрыв свои огромные глаза.

Алиса решила воспользоваться удобным случаем. Она побежала со всех ног от щенка и не останавливаясь до тех пор, пока не выбилась из сил. Теперь лай собаки чуть слышно доносился издали.

— А все-таки миленький был этот щенок! — сказала Алиса, прислонившись к цветку и обмахивая листочком. — Я с удовольствием выучила бы его разным штукам, не будь я такая маленькая... Ах, я и забыла, что мне нужно прежде всего вырасти! Как же сделать это? Должно быть, мне нужно съесть или выпить чего-нибудь. Но чего? Вот в чем вопрос!

Да, вопрос этот очень важный, и Алиса посмотрела кругом на траву и на цветы, но не могла решить, что ей нужно съесть или выпить, чтобы вырасти. Около нее рос большой гриб, величиной с нее. Поглядев на него снизу и с боков, Алиса захотела поглядеть на него и сверху, через грибную шапочку. Она встала на цыпочки и, подняв голову, встретилась глазами с большим голубым червяком, который сидел на грибе, и, сложив передние лапки, спокойно курил из длинного

кальяна (т. е. прибора для курения, в котором дым проходит через воду, находящуюся в особом стеклянном сосуде), не обращая ни малейшего внимания на нее.

V. Совет червяка

Алиса и червяк несколько времени молча смотрели друг на друга. Наконец, червяк вынул мундштук изо рта и спросил вялым, сонным голосом:

— Кто вы такая?

Этот вопрос смутил Алису.

— Я... я не знаю, кто я теперь, — робко проговорила она. — Я знаю только, кем я была, когда встала сегодня утром. С тех пор я менялась очень много раз.

— Что вы хотите этим сказать? — строго спросил червяк. — Объяснитесь.

— Мне кажется, я не могу объясниться, — ответила Алиса, — потому что теперь я уже не я.

— Не понимаю, — сказал червяк.

— Очень жаль, но я, право же, не виновата, — проговорила — Я и сама не понимаю. Когда делаешься столько раз в день то больше, то меньше, это очень сбивает.

— Нисколько, — сказал червяк.

— Может быть, вам не приходилось испытать это, — заметила Алиса. — Вот когда вы сделаетесь куколкой, а потом бабочкой, то, я думаю, вам будет странно.

— Ни крошечки, — отрывисто проговорил червяк.

— Значит, вы не такой, как я, — сказала Алиса. — Мне показалось бы это очень странным.

— Вам? — презрительно фыркнул червяк. — Кто вы?

Итак, они снова вернулись к тому, с чего начали.

Односложные ответы червяка раздражали Алису.

Она выпрямилась во весь рост и очень серьезно сказала: — Мне кажется, что вы должны сперва сказать мне, кто вы такой.

— Почему? — спросил червяк, и так как придумать ответ было трудно, и червяк был, по-видимому, сильно не в духе, то Алиса повернулась и пошла от него прочь.

— Вернитесь! — крикнул червяк. — Мне нужно сказать вам одну очень важную вещь.

Из любопытства Алиса снова подошла к нему.

— Вы не должны выходить из себя, — сказал червяк.

— И это все? — спросила Алиса, стараясь не показать, что рассердилась.

— Нет, — ответил червяк.

Алиса решила подождать, потому что ей все равно нечего было делать. А червяк, может быть, скажет что-нибудь интересное.

Несколько времени он молча выпускал клубы дыма, но, наконец, заговорил:

— Так вы думаете, что переменялись? — спросил он.

— Да, так мне кажется, — ответила Алиса. — Я не могу припомнить того, что знала раньше, я чуть не через каждые десять минут становлюсь то больше, то меньше.

— Что же вы, собственно говоря, забываете? — спросил червяк.

— Я попробовала сказать стихи, но они вышли у меня совсем другие, — печально ответила Алиса.

— А ну, скажите-ка стихи «Бодрый старик».

Алиса сложила руки и начала:

«Ты — старик, мой отец; ослабел ты от лет, —

Сказал сын. — Не могу я понять,

Как в такие года ухитришься ты Вверх

ногами так часто стоять?»

И ответил старик: «Когда молод я был, То

боялся на голову встать.

Это мне повредит, так я думал тогда, И

на мозг может дурно влиять.

Но теперь не осталось ума у меня

И бояться уж нечего мне. Потому-
то я часто и долго теперь Вверх
ногами стою на дворе».

«Ты старик уж, отец, — снова сын завел речь, — И
ты толст, слишком толст уж теперь,
Так зачем же, скажи, кувыркаешься ты, И
спиной отворяешь ты дверь?»

И ответил старик: «С юных лет так привык. Был я
гибок и ловок тогда,
Перепрыгивал я, да прыгну и теперь, Через
высокий забор без труда».

«Ты уж стар, ты уж сед, слабы
зубы твои. —

Сын сказал. — Тебе кашу есть!

Как же гуся всего — объясни это мне —

Мог с костями и клювом ты съесть?»

И ответил старик: «Я судился не раз,

Никогда адвокатов не брал,

Сам свои все дела защищал на суде,

Оттого и зубастым я стал».

«Твои слабы глаза, — сказал сын, — и тебе Давно
нужно очки надевать.

Как же можешь угря ты уставить на нос

И на кончике самом держать?»

«Убирайся ты прочь! — рассердился старик. — Я три раза тебе отвечал.

Слушать вздор я устал, уходи от меня,

Чтобы сам я тебя не прогнал!

— Неверно! — крикнул червяк.

— Должно быть, не совсем верно, — робко сказала Алиса. — Некоторые слова были прежде как будто другие.

— Неверно с самого начала и до конца, — решительно проговорил червяк.

На несколько минут наступило молчание.

— Какого же роста тебе хотелось бы быть? — спросил червяк.

— Главное дело даже не в росте, — быстро ответила Алиса. — Неприятнее всего, как ты знаешь, меняться так часто.

— Я этого не знаю, — сказал червяк. Алиса промолчала. Никогда до сих пор никто ей так не противоречил и не обрывал ее так на каждом слове. Она почувствовала, что теряет терпение.

— А довольна ты своим теперешним ростом? — спросил червяк.

— Мне хотелось бы быть немножко повыше, — ответила Алиса, — Полтора вершка — что же это

за рост!

— Это, напротив, прекрасный рост! — с досадой проговорил червяк и, встав на гриб, вытянулся во всю длину. Он был как раз в полтора вершка.

— Но я не привыкла к такому росту! — жалобно проговорила бедная Алиса и подумала про себя: «Какие они все здесь обидчивые!»

— Со временем привыкнете, — спокойно сказал червяк и снова принялся курить. Алиса стояла и терпеливо ждала, когда ему вздумается заговорить. Минуты через две червяк перестал курить, зевнул раза два и встряхнулся. Потом он спустился с гриба и пополз в траву, загадочно проговорив:

— Одна сторона сделает тебя выше, другая ниже.

— Одна сторона чего? Другая сторона чего? — крикнула ему Алиса.

— Гриба, — ответил червяк и пропал из вида в следующий миг.

Несколько времени Алиса задумчиво глядела на гриб, стараясь догадаться, где у него правая и где левая сторона. Так как он был совершенно круглый, то она никак не могла решить это. Наконец, она обхватила его обеими руками, насколько могла дальше и отломилась каждой рукой по кусочку от края грибной шапочки.

— Ну, будь, что будет! — сказала Алиса и откусила немножко от кусочка, который был у нее в правой руке.

В ту же минуту она почувствовала, как что-то сильно ударило ее под подбородок; он стукнулся об ее ноги.

Такая неожиданная перемена страшно перепугала Алису. Нельзя было терять ни минуты. Чувствуя, что делается ниже и ниже, она торопливо поднесла ко рту другой кусочек. Ее подбородок так плотно прижимался к ногам, что она едва могла открыть рот. Наконец, это все-таки удалось ей, и она проглотила кусочек гриба из левой руки...

— Слава Богу! Моя голова поднялась! — с восторгом воскликнула Алиса. Но недолго пришлось ей радоваться. Оказалось, что теперь плечи ее куда-то пропали. Когда она смотрела вниз, то видела только необыкновенно длинную шею, которая поднималась, как высокий стебель, из моря листьев, зеленеющих далеко внизу.

«Что это там внизу такое зеленое? — подумала Алиса. — И куда девались мои плечи? А мои бедные руки — я совсем не вижу их!»

Она задвигала ими, но из этого ничего не вышло: донесся снизу только легкий шорох в зелени.

Так как Алиса не могла поднять рук к голове, то попробовала опустить к ним голову и с радостью увидела, что шея ее может гнуться во все стороны, как змея. Ей удалось свернуть ее кольцами и голова ее стала опускаться на зелень, которую она видела сверху. Оказалось, что это вершины деревьев, под которыми

она стояла, когда с ней случилось последнее чудное превращение.

Раздался резкий свист, и вдруг Алиса испуганно откинула голову назад. Большая голубка подлетела к ней и сильно ударила ее клювом по лицу.

— Змея! — кричала голубка.

— Я не змея, — с негодованием ответила Алиса. — Оставь меня в покое!

— А я говорю, что ты змея! — повторила голубка, но уже более сдержанным тоном, и прибавила, зарыдав: — Я пробовала и тут и там, но все оказывалось неподходящим!

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, — сказала Алиса.

— Я пробовала деревья, пробовала берег, пробовала изгороди, — продолжала голубка, не слушая ее. — Но эти змеи! От них не спасешься нигде!

Алиса с недоумением слушала ее, но думала, что не стоит задавать вопросы, пока голубка не кончит говорить.

— Как будто мало хлопот с высиживанием яиц! — продолжала голубка. — А тут еще изволь день и ночь оберегать гнездо от змей! Вот уже три недели, как я не смыкаю глаз!

— Мне очень жаль, что у тебя столько забот и неприятностей, — сказала Алиса, начиная понимать

ее.

— А теперь, когда я выбрала самое высокое дерево в лесу, — пронзительно закричала голубка, — и думала, что наконец избавилась от змей, они, извиваясь, начинают спускаться с неба! Ух! Змея!

— Но я же говорю тебе, что я не змея, — сказала Алиса.
— Я... я...

— Ну, кто же ты? — спросила голубка.

— Я девочка, — ответила Алиса.

— Так я и поверю! — воскликнула голубка. — Я видала много девочек в мое время, но не видывала ни одной с такой шеей! Нет, нет, ты змея! И ты напрасно стараешься вывернуться! Ты, пожалуй, скоро станешь уверять меня, что никогда не ела яиц!

— Я, конечно, ела яйца, — сказала Алиса, (Она была правдивая девочка и не хотела солгать). — Но ведь ты наверное знаешь, что и девочки едят яйца, как змеи?

— Никогда не поверю этому! — воскликнула голубка.
— А если в самом деле едят яйца, значит, они тоже змеи, только другой породы — вот и все!

Такая мысль никогда не приходила в голову Алисе и потому она на минуту замолчала. А голубка воспользовалась этим и прибавила:

— Я знаю, знаю наверное, что ты забралась сюда за яйцами. А девочка ты или змея, мне решительно все равно.

— Ну, а мне далеко не все равно, — сказала Алиса. — Я не ишу яиц. И если бы даже захотела их, то не взяла бы твоих, я не люблю сырых яиц.

— Так уходи отсюда! — резко крикнула голубка и водворилась в своем гнезде.

Алиса, как могла, поползла между деревьями, стараясь изо всех сил, чтобы ее голова опустилась пониже; но это было очень трудно, потому что шея ее постоянно запутывалась в ветках и ее то и дело приходилось раскручивать.

Через некоторое время она вспомнила, что все еще держит в руках кусочки гриба и начала осторожно, понемножку откусывать то от одного, то от другого. Иногда она становилась меньше, иногда больше, и, наконец, ей удалось сделаться такой, какой она была дома.

— Половина моего плана приведена в исполнение, и я стала такого роста, как мне хотелось! — воскликнула она. — Теперь мне нужно отыскать чудный сад. Но как же найду я его?

Только что успела она сказать это, как лес кончился, и она вышла на полянку, на которой стоял маленький домик, аршин около двух вышиной.

«Кто это живет здесь? — подумала Алиса. — Я теперь слишком велика. Если я войду в дом такая большая, все они с ума сойдут от страха!»

И она, спрятавшись за дерево, начала откусывать понемножку от того кусочка гриба, который держала в левой руке, и продолжала делать это до тех пор, пока не стала маленькая-маленькая, всего вершков в девять ростом.

VI. Поросенок и перец

Несколько минут стояла Алиса, смотря на домик и раздумывая, что ей делать дальше, как вдруг из леса выбежал лакей и громко постучал в дверь домика. Алиса приняла его за лакея только потому, что он был в ливрее; если бы ее не было на нем, она сочла бы его за рыбу.

Дверь отворил другой лакей, тоже в ливрее; у него было круглое лицо и выпученные, как у лягушки, глаза. У обоих лакеев волосы были напудрены и в локонах. Алисе очень хотелось знать, что будет дальше. Она выглянула из-за дерева и стала прислушиваться.

Лакей-рыба вынул из-под мышки огромный конверт, величиной чуть не с самого себя, и, протянув его другому лакею, торжественно проговорил:

— Герцогине от королевы приглашение на крокет.

Лакей-лягушка также торжественно повторил его слова, немного переставив их:

— От королевы герцогине приглашение на крокет. Потом оба лакея поклонились друг другу так низко, что чуть не стукнулись головами, и локоны их спутались.

Алисе все это показалось до того забавным, что она не могла удержаться от смеха и убежала немножко подальше в лес, чтобы они не услышали ее. А когда она опять выглянула из него, лакей-рыба уже ушел, а лакей-лягушка сидел на земле, около двери и с самым глупым видом смотрел на небо.

Алиса робко подошла к двери и постучалась.

— Стучать совершенно не к чему, — сказал лакей, — и по двум причинам. Во-первых, мы оба находимся по одной и той же стороне двери; во-вторых, там, внутри, такой шум, что вас все равно не услышат.

И на самом деле в домике ужаснейшим образом шумели. Оттуда доносились пронзительные крики, кто-то чихал, не переставая ни на минуту, а по временам раздавался треск и звон, как будто разбивалась вдребезги посуда.

— Скажите, пожалуйста, как же мне войти? — спросила Алиса.

— Был бы еще хоть какой-нибудь смысл стучаться, — продолжал лакей, не слушая ее, — если бы между нами была дверь. Так, например,

если бы вы были внутри, то могли бы постучаться, и я отворил бы дверь и выпустил бы вас.

Говоря это, он все время смотрел на небо, что показалось Алисе очень невежливым.

«Он должен бы посмотреть на меня, раз он со мною говорит».

«Впрочем, — подумала она, — может быть ему нельзя не смотреть на небо. Ведь у него глаза чуть не на макушке головы. Но отвечать на вопросы он во всяком случае может».

— Как же мне войти в дом? — снова спросила она.

— Я буду сидеть здесь, — задумчиво проговорил лакей, — до завтра.

Дверь в это время отворилась, и оттуда вылетела тарелка. Она задела лакея по носу и разлетелась вдребезги, ударившись о дерево, росшее около домика.

— А может быть, и до послезавтра, — продолжал лакей также спокойно, как будто ничего особенного не случилось.

— Как же мне войти в дом? — спросила Алиса еще раз, повысив голос.

— Спрашивается, прежде всего, нужно ли вам входить в этот дом вообще, — поправил ее сухой лакей.

Лакей был совершенно прав; только Алисе не нравилось, когда с ней так говорили. Она нашла, что лакей говорит дерзко и нелюбезно.

«Какие здесь все спорщики! — подумала она. — От одного этого можно потерять рассудок».

Так как Алиса молчала, то лакей поспешил воспользоваться удобным случаем и повторил свои слова, несколько изменив их.

— Я буду сидеть здесь, — сказал он, — целыми днями.

— Но что же мне делать? — спросила Алиса.

— Да ничего особенного, — ответил лакей и, не обращая больше внимания на Алису, начал свистеть.

«Не стоит говорить с ним, — с отчаянием подумала Алиса. — Это просто-напросто идиот».

И она, не постучавшись, отворила дверь и вошла в большую, полную дыма, кухню.

Герцогиня сидела посредине на трехногой табуретке и нянчила ребенка; кухарка стояла нагнувшись над огнем и мешала, по-видимому, суп в большой кастрюле.

«Она положила в него слишком много перца», — подумала Алиса, чихая.

Перцу было слишком много в воздухе. Даже герцогиня чихала, почти не переставая, а ребенок поочередно то чихал, то пронзительно кричал. Не чихали только кухарка да большая кошка, которая сидела около плиты и улыбалась во весь рот.

— Скажите, пожалуйста, — начала Алиса несколько нерешительно, так как не знала, не поступает ли она невежливо, заговорив первая, — почему ваша кошка улыбается?

— Это честерский кот, ему лестно быть в людском обществе, — ответила герцогиня, — вот почему он улыбается. Поросенок!

Она произнесла последнее слово с такой яростью, что Алиса вздрогнула; впрочем, она сейчас же увидела, что герцогиня назвала поросенком не ее, а ребенка.

— Я никогда не слыхала, что честерские коты улыбаются, — сказала Алиса, немного приободрившись. — Я даже не думала, что коты могут улыбаться вообще.

— Да, могут, — ответила герцогиня, — а многие не только могут, но и улыбаются.

— Я до сих пор не знала этого, — сказала Алиса, радуясь, что начался настоящий разговор.

— Как видно, вы мало что знаете, — сказала герцогиня, — в этом и все дело.

Алисе не понравился тон, каким герцогиня сделала свое замечание, и ей захотелось переменить разговор. В то время, как она старалась придумать, что бы такое сказать, кухарка сняла кастрюлю с огня и принялась швырять что попало в герцогиню и ребенка. Сначала полетели кочерга, совок и щипцы, а потом посуда: тарелки, блюда, соусники. Герцогиня не обращала

на это никакого внимания, даже если что-нибудь попадало в нее; а ребенок и без того постоянно плакал и кричал, так что трудно было судить, чувствует он боль или нет, когда в него попадают разные вещи.

— Что вы делаете! — воскликнула Алиса, с ужасом глядя на кухарку. — Господи, блюдо оторвет малютке носик!

Огромнейшее блюдо пролетело около самого лица ребенка и, действительно, чуть не оторвало ему нос.

— Если бы каждый занимался только своим делом, — хриплым голосом проворчала герцогиня, — то земля обращалась бы вокруг себя гораздо скорее, чем теперь.

— Но ведь это было бы хуже, — возразила Алиса, очень довольная случаем выказать свои познания. — Только подумайте, сколько дела у земли и днем, и ночью, даже теперь. Она в двадцать четыре часа обращается вокруг своей оси. Открытие это сделано ученым и с тех-то пор...

— Топор! — воскликнула герцогиня. — Отрубить ей голову!

Алиса тревожно взглянула на кухарку. Неужели она исполнит это приказание? Но кухарка была занята супом и, по-видимому, не обратила никакого внимания на слова герцогини. А потому Алиса снова заговорила.

— В двадцать четыре часа, — повторила она, — кажется так? Или в двенадцать?

— Да не надоедай же мне! — крикнула герцогиня. — Я никогда не могла выносить цифр и вычислений!

И она принялась укачивать ребенка и напевать что-то вроде колыбельной песенки, ужаснейшим образом встряхивая его после каждого куплета:

«Ты брани и бей малютку,

Если вздумает чихать.

Он чихает ведь нарочно,

Чтобы всем надоедать».

Хор.(герцогиня, кухарка и ребенок).

Уа! Уа! Уа! Уа!

Напевая второй куплет песенки, герцогиня стала сильно подбрасывать ребенка, а он заревел так отчаянно, что Алиса едва могла разобрать слова песенки:

«Я браню и бью малютку,

Когда примется чихать.

Пусть привыкнет запах перца, Не

чихая, он вдыхать».

Хор.

Уа! Уа! Уа! Уа!

— Ну, я полагаю, ты можешь понянчить его немножко, — сказала, кончив петь, герцогиня и перебросила ребенка Алисе. — Мне пора идти играть в крокет с королевой.

И она торопливо вышла из комнаты.

Кухарка бросила ей вслед сковородку, но промахнулась и не попала в нее.

Алиса схватила ребенка. Ей было очень трудно держать его: он был как-то странно сложен и постоянно вытягивал в разные стороны свои руки и ноги.

«Точно морская звезда», — подумала Алиса.

Ребенок пыхтел, как паровик, и то сгибался чуть не вдвое, то вдруг выпрямлялся и едва не вываливался у нее из рук. Сначала она никак не могла справиться с ним.

Наконец, это удалось ей. Для того, чтобы он сидел смиренно и не мог упасть, ей пришлось сделать из него что-то вроде узла и крепко держать его за правое ухо и за левую ногу, чтобы он не развязался. Тогда только Алиса решила вынести ребенка на воздух.

«Если я оставлю его здесь, — думала она, — они, того и гляди, убьют его... И тогда я сама буду все равно что убийца».

Последние слова она произнесла громко, и ребенок хрюкнул ей в ответ; теперь он уже не чихал.

— Не хрюкай, — сказала ему Алиса. — Это нехорошо.

Ребенок снова хрюкнул, и она тревожно взглянула на него, чтобы узнать, что с ним такое. У него было какое-то необыкновенное лицо; нос его был очень

странный, похожий на пяточок поросенка, а глаза ужасно маленькие. Он был вообще очень некрасив и на него неприятно было смотреть.

«Может быть, он не хрюкал, а хныкал», — подумала Алиса и снова взглянула на него, чтобы узнать, мокрые ли у него глаза.

Нет, никаких слез на них не было.

— Если ты сделаешься поросенком, мой милый, — сказала Алиса, — то я не стану возиться с тобой. Понимаешь?

Ребенок снова захрюкал или захныкал — трудно сказать наверное, что это за звук, — и Алиса несколько времени шла с ним молча.

«Что я буду делать с ним, когда вернусь домой?» — думала она.

Вдруг он снова захрюкал и так громко, что она с беспокойство взглянула на него. И тут она увидела совершенно ясно, что это не ребенок, а поросенок. С какой же стати ей таскать его!

Она опустила поросенка на землю, и он веселой рысью побежал в лес.

— Он был ужасно некрасив, когда был ребенком, — сказала Алиса, — но из него вышел очень хорошенький поросенок.

И она стала думать о своих знакомых детях, из которых тоже могли бы выйти хорошенькие

поросята.

— Если бы я только знала, как превращать их... — сказала она, как вдруг увидела честерского кота, сидевшего на ветке. Кот улыбнулся, когда Алиса подошла к нему, и смотрел очень добродушно. Но так как у него были длинные когти и много острых зубов, то с ним, конечно, следовало обращаться почтительно.

— Честерская кисенька, — начала Алиса несколько нерешительно, так как не знала, нравится ли коту его имя. Но тот продолжал улыбаться и Алиса, успокоившись, сказала: — Скажите мне, пожалуйста, как мне выйти отсюда?

— Это зависит от того, куда ты хочешь выйти, — ответил кот.

— Мне все равно, куда ни... — начала Алиса.

— Значит все равно, в какую сторону ни идти, — прервал ее кот.

— Куда ни выйти, лишь бы придти куда-нибудь, — докончила Алиса.

— Ты, наверное, куда-нибудь и придешь, — сказал кот, — если походишь подольше.

Алиса видела, что кот прав. Нужно было спрашивать как-нибудь по-другому.

— Кто живет тут поблизости? — спросила она.

— В этой стороне, — ответил кот, сделав полукруг правой лапкой, — живет шляпочник, а в этой, —

он сделал движение левой, — живет мартовский заяц. Ступай к ним, если хочешь. Они оба сумасшедшие.

— Нет, я не хочу идти к сумасшедшим, — сказала Алиса.

— Тут уж ничего не поделаешь, — сказал кот. — Мы все здесь сумасшедшие. Я тоже сумасшедший. Да и ты сама тоже.

— Почему вы думаете, что я сумасшедшая? — спросила Алиса.

— Потому что иначе ты не пришла бы сюда.

По мнению Алисы, это было совсем не доказательство, но она не стала возражать.

— А почему вы знаете, что вы сумасшедший?

— Вот почему. Ведь собака не сумасшедшая? Ты согласна с этим? — спросил кот.

— Да, по-моему, она не сумасшедшая, — согласилась Алиса.

— Хорошо, — сказал кот. — Ты знаешь, что собака ворчит, когда сердится, и машет хвостом, если довольна. А я ворчу, когда я доволен, и махаю хвостом, если сержусь. Значит, я сумасшедший.

— Вы мурлычете, а не ворчите, — сказала Алиса.

— Можешь называть как угодно... Будешь ты сегодня играть в крокет с королевой?

— Мне очень хотелось бы, — ответила Алиса, — но меня не приглашали.

— Я сейчас вернусь, — сказал кот и мгновенно исчез.

Алиса этому не особенно удивилась: она уже привыкла к разным необыкновенным вещам.

Пока она смотрела на то место, где раньше сидел кот, тот вдруг снова появился.

— А, кстати, что случилось с ребенком? — спросил он.
— Я совсем забыл узнать об этом.

— Он превратился в поросенка, — спокойно ответила Алиса, как будто в этом не было ничего особенного.

— Я так и знал, — сказал кот и снова исчез.

Алиса подождала немного, думая, что кот опять появится, а потом пошла в ту сторону, где, по словам кота, жил мартовский заяц.

«Шляпочников я раньше видела, — подумала она, — и мне гораздо интереснее посмотреть на сумасшедшего зайца. Так как теперь уже май, то он, может быть, не будет так ужасно беситься, как в марте». Говоря это, Алиса взглянула вверх и снова увидела кота на ветке.

— Как ты сказала? — спросил кот. — В поросенка или в слоненка?

— Я сказала «в поросенка», — ответила Алиса. — Как нехорошо, что вы так быстро, сразу, появляетесь и исчезаете! От этого, право может закружиться голова.

— Неужели? — сказал кот и на этот раз стал исчезать очень медленно, начиная с кончика хвоста и кончая

улыбкой, которая оставалась еще несколько времени после того, как все остальное уже исчезло.

«Котов, которые не улыбались, я видела часто, — подумала Алиса. — Но улыбка без кота! Это самое сверхъестественное из всего, что я видела здесь».

Взглянув еще раз на ветку, она пошла дальше. Вскоре показался дом мартовского зайца. Трубы торчали на нем, как заячьи уши, крыша была покрыта мехом. И дом был такой большой, что Алиса прежде, чем подойти к нему, откусила немножко от кусочка гриба, бывшего у нее в левой руке, и стала в аршин ростом. Но и после этого она пошла к дому несколько робко и нерешительно. «А вдруг заяц начнет беситься и буйствовать! — думала она. — Уж лучше бы мне пойти к шляпочнику».

VII. Безумное чаепитие, Шляпочник, мартовский

заяц и сурок

Около самого дома стоял под деревом стол с чайным прибором. Мартовский заяц и шляпочник сидели около него и пили чай. Сурок прикорнул между ними и крепко спал, а оба приятеля пользовались им, как подушкой, и облокачивались на него, разговаривая между собою.

«Как неудобно этому бедному сурку, — подумала Алиса. — Хорошо, что он заснул и ничего не замечает».

Стол был большой, но мартовский заяц, шляпочник и сурок теснились все на одном конце.

— Нет места! Нет места! — закричали заяц и шляпочник, увидев подходившую Алису.

— Места, напротив, очень много, — с негодованием сказала она и села в кресло, стоявшее на другом конце стола.

— Хотите вина? — гостеприимно спросил мартовский заяц.

Алиса взглянула на стол; на нем не было ничего, кроме чая.

— Я не вижу вина, — заметила она.

— Да его и нет, — сказал мартовский заяц.

— В таком случае, очень невежливо с вашей стороны предлагать его, — с досадой проговорила Алиса.

— А с вашей стороны очень невежливо сесть за стол без приглашения, — заметил мартовский заяц.

— Я не знала, что это ваш стол, — возразила Алиса. — Он очень большой и накрыт не для троих.

— А знаете что? — сказал шляпочник, — вам следовало бы подстричь волосы. Они у вас такие длинные и некрасивые.

Он с большим любопытством рассматривал Алису и теперь в первый раз заговорил.

— Очень грубо делать такие замечания в лицо, — строго сказала Алиса. — Неужели вы не знаете этого?

Шляпочник с удивлением вытаращил глаза, а потом спросил:

— Какое сходство между вороном и письменным столом?

«Ну, теперь будет повеселее! — подумала Алиса. — Как хорошо, что он придумал загадывать загадки!»

— Мне кажется, я сумею отгадать, — громко сказала она.

— Вы так думаете? — спросил мартовский заяц.

— Да, думаю. То-есть мне кажется, отгадаю, если сумею. А ведь это одно и то же.

— Совсем не одно и то же! — воскликнул шляпочник. — Разве одно и то же сказать: «Я вижу все,

что ем» или «я ем все, что вижу»?

— Конечно, не одно и то же, — добавил мартовский заяц. — Разве все равно сказать: «Мне нравится все, что я добыл» или «я добыл все, что мне нравится»?

— Конечно, не одно и то же, — проговорил как будто во сне сурок. — Разве все равно, если я скажу: «Я дышу, когда сплю» или «я сплю, когда дышу»?

— Для тебя это как раз все равно, — сказал шляпочник.

На этом разговор оборвался и на несколько минут все замолчали. А Алиса стала придумывать, какое сходство может быть между вороном и письменным столом.

Шляпочник заговорил первый.

— Какое у нас сегодня число? — спросил он, обратившись к Алисе. И вынув из кармана часы, он нерешительно глядел на них и то встряхивал их, то подносил к уху.

— Четвертое, — ответила Алиса.

— Значит, часы отстают на два дня, — со вздохом сказал шляпочник. — Я говорил тебе, что масло не годится для часов! — с досадой прибавил он, обернувшись к зайцу.

— Масло это превосходное! — кротко возразил мартовский заяц.

— Но в него могли попасть крошки, — проворчал шляпочник. — Не следовало брать масло хлебным

ножом.

Мартовский заяц, взял часы, грустно посмотрел на них и окунул их в чайник.

— Масло было превосходное, — повторил он, вынув часы из чайника.

Алиса, заглядывая ему через плечо, с любопытством рассматривала их.

— Какие смешные часы! — сказала она. — Они показывают дни, но часов не показывают.

— А зачем им показывать? — пробормотал шляпочник. — Разве ваши часы показывают, какой теперь год?

— Конечно, нет, — быстро ответила Алиса, — да и незачем: ведь год тянется очень долго.

— Вот по той же причине мои часы не показывают часов, — сказал шляпочник.

Алису очень удивили его слова, так как в них совсем не было смысла, хоть и сказаны они были на родном ее языке.

— Я нехорошо понимаю вас, — сказала она, стараясь быть вежливой.

— А сурок опять заснул! — воскликнул, ничего не ответив ей, шляпочник и полил горячего чаю на нос сурку.

Тот нетерпеливо мотнул головой и проговорил, не открывая глаз:

— Конечно, конечно: я именно только что хотел это сказать.

— Ну, что же, отгадали вы загадку? — спросил у Алисы шляпочник.

— Нет, я не могу отгадать, — ответила Алиса. — Какая будет разгадка?

— А я почему знаю! — воскликнул шляпочник.

— Не знаю и я, — сказал мартовский заяц. Алиса вздохнула.

— По-моему, — заметила она, — задавать загадку, у которой нет разгадки, не стоит. Это только даром терять время.

— Если бы вы знали время, как знаю его я, — воскликнул шляпочник, — то не сказали бы этого. Говорили вы когда-нибудь с ним?

— Конечно, нет, — ответила Алиса. — Я даже совсем не понимаю, что вы хотите сказать.

— Ну, еще бы вам понять! Так знайте же, что если бы вы были в хороших отношениях с временем, то оно делало бы для вас все, что угодно. Положим, пробило девять часов — время уроков. Но вам стоило бы только шепнуть времени, что не хочется больше учиться, и в одно мгновение быстро закрутились бы стрелки. Половина первого! Обедать пора!

— Какое счастье, случись это теперь! — прошептал про себя мартовский заяц.

— Это было бы очень хорошо, — задумчиво проговорила Алиса, — но ведь в таком случае я не успела бы проголодаться к обеду.

— Сначала, конечно. Но ведь стрелки могли бы стоять на половине первого сколько угодно.

— Значит, вы именно так и делаете? — спросила Алиса.

— Теперь нет, — покачав головою, мрачно ответил шляпочник. — Я поссорился с временем в марте, когда вот он, — тут шляпочник показал на мартовского зайца, — только что помешался. У королевы был концерт и мне пришлось петь:

«Зачем ты блистаешь, Летучая
мышь?

Зачем ты блистаешь В
вечернюю тишь?»

— Вы, может быть, знаете эту песню?

— Знаю что-то в этом роде.

— Дальше, — продолжал шляпочник, — песня вот как идет:

— «Зачем ты летаешь,
Как круглый поднос?
Зачем ты блистаешь...»

Тут сурок вздрогнул и запел во сне «блистаешь, блистаешь, блистаешь», повторяя это слово так долго, что пришлось его ущипнуть, чтобы заставить замолчать.

— Ну, так вот: только что кончил я первый куплет, как королева крикнула: «Он даром теряет время. Отрубить ему голову!»

— Как несправедливо и жестоко! — воскликнула Алиса.

— С тех пор время рассердилось на меня, — мрачно проговорил шляпочник, — и не делает того, что мне хочется. У нас теперь всегда шесть часов.

— Потому-то, должно быть, и приготовлено у вас все для чая? — спросила Алиса.

— Конечно, — со вздохом ответил шляпочник. — Ведь вы знаете, что шесть часов — время вечернего чая. Мы даже не успеваем мыть посуду. У нас вечное чаепитие.

— Значит, вы от чашки к чашке так и переходите? — спросила Алиса.

— Да, мы вечно так и пересаживаемся от грязной чашки к чистой.

— А что случится, когда все чашки станут грязными?

— Не довольно ли толковать об этом? — спросил, зевая, мартовский заяц. — Расскажите нам лучше

какую-нибудь историю, — прибавил он, обращаясь к Алисе.

— Я не знаю никакой истории, — возразила Алиса, смущенная этим предложением.

— Так пусть рассказывает сурок! — воскликнули в один голос шляпочник и мартовский заяц и начали щипать сурка, чтобы он проснулся.

— Я не спал, — проговорил он слабым, хриплым голосом, открыв глаза. — Я слышал все, что вы говорили, друзья мои!

— Расскажи нам что-нибудь, — сказал мартовский заяц.

— Да, пожалуйста, расскажите, — попросила Алиса.

— И поторапливайся, — прибавил шляпочник, — а то ты опять заснешь и не кончишь.

— Давно-давно, в старые годы, — начал сурок, — жили-были три маленьких сестрицы: Эльзи, Леси и Тилли. А жили они на дне колодца...

— Что же они там ели? — спросила Алиса, всегда интересующаяся едой и питьем.

— Они ели... только одну патоку, — немножко подумав, ответил сурок.

— Но этого не может быть! — осторожно сказала Алиса. — Они, наверное, заболели бы от этого.

— Они и были больны, — сказал сурок, — очень больны.

Алиса старалась представить себе, как это можно существовать на дне колодца, питаясь одною патокой; но все это показалось ей слишком странным, и она продолжала допрашивать:

— Скажите, зачем они жили на дне колодца?

— Не хотите ли выпить еще чашечку чаю? — спросил Алису мартовский заяц.

— «Я совсем не пила чаю, так что никак не могу выпить „еще“ чашечки». — Но, чтобы выйти из затруднительного положения, она налила себе чаю, намазала хлеб маслом и повторила:

— А зачем же они жили на дне колодца?

— Потому что он был паточный, — ответил, опять-таки немножко подумав, сурок.

— Таких колодцев не бывает! — с досадой воскликнула Алиса.

— Тс! Тс! — остановил ее заяц, а сурок обиделся и сердито проговорил:

— Если ты не можешь быть вежливой, то лучше уж сама dokonчи эту историю.

— Нет, пожалуйста, продолжайте, — начала упрашивать его Алиса. — Я не буду перебивать вас.

— Эти три маленьких сестрицы, — снова стал рассказывать сурок, — учились... учились рисовать.

— Что же они рисовали? — спросила Алиса, забыв о своем обещании не прерывать его.

— Патоку, — ответил сурок, на этот раз ни минутки не подумав.

— Мне нужна чистая чашка, — сказал шляпочник.
— Переменимся местами.

Говоря это, он встал и вышел из-за стола; сурок последовал за ним; мартовский заяц сел на его место, а Алиса очень неохотно перешла на место мартовского зайца. От такой перемены выиграл только шляпочник, сидевший теперь в кресле. А Алисе стало гораздо хуже, потому что мартовский заяц пролил молоко на ее тарелку.

— Я только не понимаю, — осторожно начала Алиса, не желая обидеть сурка, — откуда они брали патоку?

— Ведь вы можете брать воду из колодца, — сказал шляпочник. — Почему же нельзя брать из него патоку?

— Но ведь они жили в самом паточном колодце на дне! — сказала Алиса, не слушая шляпочника и обращаясь к сурку.

— Да, — ответил сурок, — на дне.

Этот ответ так смутил Алису, что она несколько времени молча слушала рассказ сони-сурка, не прерывая его.

— Они учились рисовать, — продолжал между тем сурок, зевая и протирая глаза, потому что ему ужасно хотелось спать. — И все они рисовали различные вещи — такие вещи, которые начинаются с буквы «м».

— Почему же с «м»? — спросила Алиса и с нетерпением ждала ответа.

— А почему же нет? — сказал мартовский заяц.

Алиса прикусила губы и замолчала.

Между тем, сурок воспользовался их разговором и, закрыв глаза, задремал.

Шляпочник сначала не заметил этого и ждал, что сурок будет продолжать свой рассказ. Но тот крепко спал. Видя это, шляпочник ущипнул его. Сурок слегка вскрикнул и, проснувшись, продолжал рассказывать:

— Которые начинаются с буквы «м», как, например: мышь, мост, маяк, множество... Видели вы рисунок «множество»?

— Если вы спрашиваете меня, — нерешительно проговорила Алиса, — то я не думаю...

— А не думаете, так молчите... — перебил ее шляпочник.

Такое грубое замечание вывело Алису из себя, и она, вскочив с места, пошла к лесу. Сурок тотчас же заснул, а остальные не обратили никакого внимания на уход Алисы, которая несколько раз оглядывалась, надеясь, что ее позовут. Когда она оглянулась в последний раз, шляпочник и мартовский заяц держали сурка и старались засунуть его в чайник.

— Никогда больше не приду сюда! — сказала Алиса, идя по лесу. — Ничего глупее этого чаепития в жизни

не видела...

Только что успела она сказать это, как увидела дерево, в стволе которого была дверь.

«Как странно! Что это за дверь? — подумала Алиса. — Посмотрю, что такое за нею».

Отворив дверь, она вошла и очутилась в знакомой длинной и узкой комнате со стеклянным столиком.

— Ну, на этот раз я постараюсь не забыть ничего, — сказала она и, взяв золотой ключик, отперла маленькую дверку. Потом она начала откусывать понемножку от кусочка гриба, который был спрятан у нее в кармане и, сделавшись ростом вершков в шесть, пролезла в крошечный вход. Наконец-то ей удалось попасть в чудный сад с фонтанами и клумбами ярких цветов!

VIII. Крокет у королевы

Большой розовый куст рос у самого входа в сад. На нем распустились белые розы, но три садовника — какого-то необыкновенного вида, совсем плоские и четырехугольные — торопливо перекрашивали их в пунцовые. Алисе это показалось странным, и она подошла поближе.

— Будь осторожнее, Пятерка! — сказал один садовник.
— Ты брызгаешь на меня краской.

— Я не виноват, Двойка, — мрачно ответила Пятерка.
— Семерка толкает меня под локоть.

— Молодец! — сказал, подняв голову, Семерка. — Ты всегда все сваливаешь на других.

— Уж лучше бы ты молчал! — воскликнул Пятерка. — Только третьего дня королева говорила, что тебе нужно отрубить голову.

— А за что! — спросил Двойка.

— Это не твое дело, — ответил Семерка.

— Нет, это его дело, — возразил Пятерка, — и я скажу ему. За то, что он принес повару тюльпанные корни вместо луку. Семерка бросил кисть.

— То есть такой несправедливости... — начал он, но вдруг замолчал, увидев Алису.

Товарищи его оглянулись и тоже взглянули на нее. А потом они все трое низко поклонились.

— Скажите пожалуйста, — робко спросила Алиса, — зачем вы перекрашиваете розы?

Пятерка и Семерка молча взглянули на Двойку.

— Дело в том, — прошептал Двойка, — что здесь следовало посадить куст красных роз, а мы по ошибке посадили куст белых. Если бы королева узнала это, она, наверное, велела бы отрубить нам головы. Вот мы и спешим перекрасить их прежде, чем она...

— Королева! Королева! — шепнул вдруг Пятерка, который все время тревожно осматривался по сторонам.

Все три садовника тотчас же упали ниц. Послышались приближающиеся шаги и Алиса посмотрела в ту сторону: ей очень хотелось увидеть королеву.

Впереди шли десять солдат с булавами. Солдаты были такие же четырехугольные и плоские, как садовники; руки и ноги были у них тоже по углам. За ними шли попарно десять придворных, все разукрашенные бриллиантами. Потом следовали королевские дети — их было десять. Они, подпрыгивая, весело бежали, взявшись за руки. Все дети были украшены червонными гербами. За детьми шли гости, по большей части короли и королевы. Белый кролик был тут же. Он торопливо и возбужденно говорил, улыбался всему, что говорили другие, и прошел, не заметив Алисы. Затем шел червонный валет с пунцовой бархатной подушкой, на которой лежала корона короля, и, наконец, в самом конце этой блестящей процессии выступали король и королева червей.

Алиса не знала, нужно ли ей последовать примеру садовников и упасть ниц.

«Нет, должно быть, не нужно, — подумала она. — Не стоило бы и устраивать процессии, если бы все встречные должны были падать ниц. Ведь тогда никто не мог бы увидеть ее».

Алиса продолжала стоять и смотреть на процессию. Когда король и королева были как раз напротив Алисы, все остановились, и королева, обратившись к червонному валету, строго спросила:

— Кто это?

Но он только поклонился и улыбнулся.

— Идиот! — сказала королева, гневно мотая головой.

— Как тебя зовут? — обратилась она к Алисе.

— Меня зовут Алисой, ваше величество, — почтительно ответила та, но подумала про себя:

«Да ведь это просто колода карт и мне их бояться нечего!»

— А это кто? — спросила королева, показав на садовников, лежавших ничком под розовым кустом. Так как они лежали лицами вниз, а спины были у них совершенно такие же, как и у всех других карт, то королева и не могла узнать — солдаты ли это, или садовники, или придворные, или даже ее собственные дети.

— Почему я могу знать? — ответила Алиса, сама удивляясь своей смелости. — Это не мое дело.

Королева вспыхнула от гнева и, злобно поглядев на Алису, крикнула:

— Отрубить ей голову! Отру...

— Что за вздор! — громко сказала Алиса.

Королева замолчала.

— Успокойся, моя дорогая, — робко проговорил король, положив руку на плечо королевы. — Ведь это ребенок!

Королева бросила на него гневный взгляд и крикнула валету:

— Перевернуть их!

Валет осторожно перевернул садовников ногой.

— Встаньте! — пронзительно крикнула королева, и садовники, вскочив, стали отвешивать низкие поклоны королю, королеве, королевским детям и всем остальным.

— Довольно! — взвизгнула королева. — У меня от ваших поклонов закружилась голова!... Что вы здесь делали? — прибавила она, показав на розовый куст.

— Осмелюсь доложить вашему величеству, — робко проговорил Двойка, опустившись на одно колено, — мы старались.

— Понимаю! — воскликнула королева, внимательно смотревшая на розы в то время, как он говорил. — Отрубить им головы...

Процессия двинулась дальше, только остались три солдата, чтобы привести в исполнение приговор над бедными садовниками, которые бросились к Алисе, умоляя ее защитить их.

— Не бойтесь, вас не казнят! — сказала Алиса и запрятала их в стоявший поблизости большой

цветочный горшок. Солдаты походили несколько времени то туда, то сюда, разыскивая осужденных, но, не найдя их, ушли.

— Ну, говорите: отрубили им головы? — крикнула королева.

— Отрубили, ваше величество! — дружно ответили солдаты.

— Отлично! — гаркнула королева. — А в крокет вы умеете играть?

Солдаты молчали, вопрос королевы очевидно относился к Алисе.

— Умею! — также громко ответила Алиса.

— Так иди с нами! — взвизгнула королева, и Алиса присоединилась к процессии, раздумывая о том, что будет дальше.

— Какой сегодня! какой сегодня чудный день! — робко проговорил кто-то около нее.

Она оглянулась и увидела белого кролика, тревожно смотревшего на нее.

— Да, чудный, — ответила Алиса. — А где же герцогиня?

— Тс! Тс! — прошептал кролик и, поднявшись на цыпочки, шепнул Алисе на ухо:

— Она приговорена к смерти!

— Вы сказали «как жалко»? — спросил кролик.

— И не подумала, — ответила Алиса, — совсем мне ее не жалко и я только спросила за что?

— Она выдрала королеву за уши... — начал кролик.

Алиса, услышав это, не могла удержаться от смеха.

— Тише! Тише! — остановил ее кролик, — королева услышит вас! Вот, видите, герцогиня пришла слишком поздно и королева сказала ей...

— По местам! — громовым голосом крикнула королева и все побежали в разные стороны, наталкиваясь друг на друга.

Наконец, места были заняты и игра началась.

Никогда не случилось Алисе участвовать в такой странной игре. Крокетное поле было все изрыто, как вспаханное поле; вместо шаров были живые ежи, вместо молоточков — птицы фламинго, а вместо ворот — солдаты, которые сгибались для этого вдвое и упирались руками в землю. Алисе было особенно трудно справляться с фламинго. Ей удалось засунуть его под мышку, — ноги его при этом, конечно, висели, — но когда она выпрямляла ему шею и хотела ударить его головой ежа, фламинго оборачивался и с таким изумлением глядел на нее, что она не могла удержаться от смеха. А если, наконец, опускала ему голову, то почти каждый раз оказывалось, что еж уже развернулся и собирается уползти. Кроме того, в тех редких случаях, когда Алисе удавалось толкнуть ежа и он начинал катиться, ему мешали попадавшиеся

на дороге горки и ямки, а изображавшие ворота солдаты постоянно разгибались и расходились в разные стороны. «Ах, как трудно играть так!» — думала Алиса.

Никто не соблюдал никаких правил, все играли сразу, не дожидаясь очереди, и все время ссорились и дрались из-за ежей. А королева чуть не каждую минуту топала ногами и кричала: «Отрубить ему голову!... Отрубить ей голову!»

Алиса начинала тревожиться. Положим, пока все шло благополучно, но все же могло случиться, что в конце концов королева велит отрубить голову и ей.

«Что же тогда мне делать? — думала она. — Королева ужасно любит рубить головы. Удивительно, что еще столько их уцелело!»

Алиса начал а уже подумывать о том, как бы убежать отсюда, но боялась, что это сейчас же заметят. Вдруг что-то странное появилось в воздухе. Алиса несколько времени вглядывалась и наконец сообразила, что это улыбка честерского кота.

«Слава Богу! — подумала она. — Теперь у меня будет с кем поговорить».

— Ну, как дела? — спросил кот, когда рот его увеличился настолько, что он мог говорить.

Алиса подождала появления кошачьих глаз и тогда кивнула ему.

«Говорить теперь не стоит, — думала она, — нужно подождать, когда покажутся его уши или, по крайней

мере, хоть одно ухо».

Через минуту появилась вся голова, и Алиса, опустив на землю фламинго, стала рассказывать про игру в крокет, очень довольная, что есть кому ее слушать. От всего кота видна была только одна голова; должно быть, он считал, что этого вполне достаточно и кроме этой головы ничего не появилось.

— Здесь все играют нехорошо, — жаловалась Алиса, — и так ссорятся и кричат, что не услышишь своего собственного голоса. Никаких правил для игры у них нет. И вы не можете себе представить, как неудобно играть живыми птицами и ежами. Несколько минут тому назад мой еж прошел в ворота и мне, наверное, удалось бы крокировать ежа королевы, но он, увидев, что мой еж катится к нему, преспокойно убежал!

— А как вам понравилась королева? — спросил кот.

— Совсем не понравилась, — ответила Алиса. — Она очень...

Тут Алиса увидела королеву, которая подошла совсем близко и прислушивалась.

— Хорошо играет, — докончила Алиса, — так что заранее знаешь, что придется проиграть.

Королева улыбнулась и пошла дальше.

— С кем это ты разговариваешь? — спросил король, подойдя к Алисе и с удивлением глядя на голову кота.

— Это мой друг, честерский кот, — ответила Алиса. — Могу я представить его вашему величеству?

— Мне он не нравится, — сказал король. — Впрочем, он, пожалуй, может поцеловать мне руку.

— Нет, я уж лучше не поцелую, — сказал кот.

— Не говори дерзостей, — воскликнул король, — и не гляди на меня так!

Сказав это, он спрятался за спину Алисы.

— И кот может глядеть на короля, ваше величество, — сказала Алиса, — я это где-то вычитала, но где именно, не помню.

— Ладно! Но все же необходимо его удалить, — повелительным тоном сказал король и крикнул проходившей мимо королеве:

— Милая! Я хочу, чтобы ты удалила этого кота.

У королевы был только один способ устранять затруднения и большие, и малые.

— Отрубить ему голову! — крикнула она, даже не взглянув на кота.

— Я сам позову палача! — с жаром сказал король и быстро убежал.

Через несколько минут с крокетного поля донеслись гневные крики королевы. Алиса решила вернуться туда и продолжать игру, хотя ей очень не хотелось этого: королева приговорила к смерти уж троих игроков за то, что они пропустили свою очередь, и Алиса боялась,

что она велит отрубить голову и ей. Игра шла без всякого порядка, и Алиса, подталкивая шар, никогда не знала наверное, ее это очередь или нет.

Однако делать было нечего, и она отправилась искать своего ежа.

Оказалось, что он вступил в бой с другим ежом, что, по мнению Алисы, был редкий случай крокировать их одного о другого. Единственное затруднение состояло в том, что ее фламинго отправился на дальний конец сада и старался, но безуспешно, взлететь на дерево.

Когда Алиса поймала фламинго и пошла за ежом, бой уже кончился, и обоих ежей нигде не было видно — они куда-то уползли.

«Да и все равно играть нельзя, — подумала Алиса, — потому что ворота все ушли с этой стороны поля».

Она взяла фламинго под мышку, чтобы он опять не убежал, и пошла назад, к своему другу честерскому коту: ей хотелось еще немножко поболтать с ним.

Подходя к нему, Алиса с удивлением увидела окружившую его большую толпу. Король, королева и палач горячо спорили о чем-то и говорили сразу, а все остальные стояли молча и были, по-видимому, сильно встревожены и удручены.

Как только показалась Алиса, трое споривших обратились к ней и попросили ее решить, кто из них прав. Но так как они говорили все сразу, перебивая друг друга, то она не могла ничего понять.

Палач доказывал, что нельзя отрубить голову, у которой нет туловища, значит казнь не может состояться. Король доказывал, что все, имеющее голову, может быть обезглавлено и что палач говорит пустяки. Королева тем временем вопила, что если кот не будет немедленно казнен, то казнены будут все присутствующие (замечание это удручающе действовало на всех участников игры).

— Мне кажется, следовало бы переговорить с герцогиней, — сказала тихо Алиса. — Ведь кот ей принадлежит.

— Герцогиня в тюрьме! Привести ее сюда! — крикнула королева палачу, и он помчался со всех ног.

Как только палач убежал, голова кота начала мало-помалу бледнеть, а когда он вернулся с герцогиней, голова уже исчезла. Король и палач стали бегать во все стороны, разыскивая ее, а общество снова принялось за игру.

IX. История поддельной

черепахи

— Ты не можешь себе представить, как я рада, что снова увидела тебя, моя милочка! — воскликнула герцогиня, схватив Алису за руку, и они вдвоем ушли с крокетного поля.

Алиса была очень довольна, что на этот раз герцогиня была в хорошем расположении духа.

«Должно быть, она была такая злая в кухне только потому, что там очень пахло перцем, — подумала Алиса. — Если я сделаюсь герцогиней, то не велю держать в кухне перца. Суп можно варить и без него. А то из-за перца все, пожалуй, будут сердиться, — думала Алиса, довольная своим открытием. — От уксуса люди становятся едкими и кислыми; от ромашки — горькими до огорчения, а от... от ячменного сахара и других сладостей дети становятся очень добрыми... Если б это было всеми признано, то никто не скупился бы на сладкое».

Думая так, Алиса совсем забыла про герцогиню и вздохнула, услышав ее голос около самого своего уха.

— Ты о чем-то задумалась, моя милочка? — спросила герцогиня. — Трудно сейчас сказать, какое можно вывести из этого нравоучение, но, сообразив немного, я тебе скажу.

— Может быть, никакого нравоучения в этом нет, — решила сказать Алиса.

— Полно, полно, дитя мое! Нет ничего на свете, что не заключало бы в себе нравоучения. Все дело в том, чтобы его найти.

И говоря это, она прижалась к Алисе.

Алисе не нравилось, что она так близко прижимается к ней, во-первых, потому, что герцогиня была раньше очень злая, а во-вторых, потому, что она была как раз такого роста, что ей было удобно опираться подбородком на Алисино плечо. А подбородок у герцогини был очень острый и Алисе было неудобно и больно от него. Однако, не желая быть грубой, она молчала и терпела.

— Теперь игра пошла, кажется, лучше, — сказала она, чтобы начать разговор.

— Да, да, — ответила герцогиня. — Из этого можно вывести следующее нравоучение:

Сильнее любви ничего, дети, нет:

Любовь заставляет крутиться весь свет!...

— Кто-то сказал, — возразила Алиса, — что если бы никто не вмешивался в чужие дела, то земля вертелась бы куда быстрее.

— Ну, да! Но это ведь почти одно и то же, — сказала герцогиня, впиваясь в детское плечо Алисы своим острым подбородком. — Из этого мы сейчас выведем следующее нравоучение: важен смысл и непременно, дети, помните о нем. Слово — звук, второстепенно — в словаре его найдем.

— Как она любит нравоучения! — подумала Алиса.

— Ты, должно быть, удивляешься, что я не обнимаю тебя за талию, — продолжала герцогиня. — Дело в том, что я боюсь твоего фламинго. Ведь он, пожалуй, рассердится. Или попробовать?

— Он может ущипнуть вас, — сказала Алиса, которой совсем не хотелось, чтобы герцогиня обнимала ее.

— Да, правда, — согласилась герцогиня. — И фламинго, и горчица щиплются. Отсюда можно вывести такое нравоучение:

«С породой дружно летает
Птичек наших другая порода —
Потому что соединяет
Их заботливо так мать-природа!»

— Но горчица совсем не птица, — сказала Алиса.

— Верно, как всегда! — воскликнула герцогиня. — Какая ты умная!

— Горчица, кажется, камень? — спросила Алиса.

— Конечно, камень, — ответила герцогиня, готовая, по-видимому, соглашаться со всем, что бы ни сказала Алиса.

— Ах, нет, я вспомнила! — воскликнула Алиса, не обратив внимания на слова герцогини. — Горчица совсем не камень, а растение, хоть и не похожа на него.

— Совершенно верно, — сказала герцогиня. — Дитя! Если хочешь, я дарю тебе все понятное и все непонятное, сказанное мною нынче.

«Дешевый подарок» — подумала Алиса, — хорошо, что никто не делает таких подарков ко дню рождения". — Но она не решилась повторить свои мысли вслух.

— Опять задумалась? — спросила герцогиня и опять толкнула Алису своим острым подбородком.

— Я имею полное право думать, — резко сказала Алиса, которой все это страшно надоело.

— Такое же право, как поросенок имеет летать, — сказала герцогиня, — а нравоучение, заключающееся в...

Но вдруг, к величайшему удивлению Алисы, рука герцогини, сжимавшая руку Алисы, задрожала.

Алиса подняла глаза и увидела королеву, стоявшую в нескольких шагах от них; руки ее были скрещены на груди, брови нахмурены.

— Какая сегодня прекрасная погода, ваше величество!
— проговорила герцогиня тихим дрожащим голосом.

— Предупреждаю вас, — крикнула королева, топая ногами, — что или вы сию же минуту уйдете вон отсюда, или голове вашей будет сказано: вон отсюда! Выбирайте! Можете выбирать!

Герцогиня выбрала и в одно мгновение исчезла.

— Пойдем играть, — сказала королева Алисе, которая была до того испугана, что не могла произнести ни слова и молча последовала за ней.

Гости, воспользовавшись уходом королевы, бросили игру и сели отдыхать в тени; но, увидев, что она возвращается, они тотчас же, спеша, вернулись на крокетное поле и снова принялись играть. А королева спокойно заметила, что за такой несвоевременный отдых они могут поплатиться жизнью.

Во все время игры она постоянно ссорилась с другими игроками и то и дело кричала: «Долой ему голову!» или «Долой ей голову!» Солдаты, изображавшие ворота, должны были теперь стоять на карауле около осужденных и потому число ворот стало быстро уменьшаться. Через полчаса не осталось

уже ни одного, а все присутствующие, за исключением короля, королевы и Алисы, лежали на земле, приговоренные к смертной казни.

Тогда королева, задыхавшаяся от гнева и усталости, наконец перестала играть и спросила: — Видела ты поддельную черепаху, то есть телячью голову, приготовленную в виде черепахи?

— Нет, не видела, — ответила Алиса.

— Из нее делают суп на манер супа из черепахи, — продолжала королева. — Пойдем к ней. Она расскажет тебе свою историю.

Идя за королевой, Алиса услышала, как король, обратившись к арестованным, нагнувшись и робко озираясь кругом, тихонько проговорил:

— Вы все помилованы.

«Слава Богу!» — подумала Алиса. Ей было очень жаль несчастных, приговоренных королевой к смерти.

Вскоре королева и Алиса набрали на грифа, крепко спавшего на солнышке (если вы не знаете, что такое гриф, посмотрите на картинку).

Вставай, лентяй! — крикнула королева, — и отведи эту молодую особу к поддельной черепахе. Пусть та расскажет ей свою историю. А я должна уйти и проверить казни.

И она ушла, оставив Алису одну с грифом.

Он казался ей очень страшным, но, подумав, она нашла, что, пожалуй, будет безопаснее остаться даже с ним, чем идти за этой свирепой королевой.

Гриф сел и протер глаза. Потом он посмотрел на отошедшую уже далеко королеву и усмехнулся.

— Потеха! — сказал он не то про себя, не то Алисе.

— Про что это ты говоришь? — спросила Алиса.

— Про королеву, — ответил гриф. — Такая смешная! Ведь сколько народу приговаривает она к наказанию, даже к смерти, а никогда не казнят никого. Ну, идем!

— «Все говорят здесь: ну, идем, и все здесь много командуют», — подумала Алиса, медленно шагая за грифом.

Они шли недолго и вскоре увидели поддельную черепаху. Грустная и одинокая сидела она на небольшом выступе утеса. А когда они подошли ближе, Алиса услышала, что черепаха вздыхает так тяжело, как будто у нее разрывается сердце на части. И Алисе стало очень жаль ее.

— Какое у нее горе? — спросила она у грифа.

— Никакого горя у нее нет, одно только воображение! — ответил гриф. — Все это она выдумывает. Идем!

Когда они подошли к черепахе, она подняла на них большие, полные слез глаза, но не произнесла ни слова.

— Вот эта молодая особа, — сказал гриф, — желает послушать твою историю.

— Хорошо, я расскажу ее ей, — ответила черепаха глухим, низким голосом. — Садитесь оба и не говорите ни слова до тех пор, пока я не кончу.

Они сели, и наступило продолжительное молчание.

«Не понимаю, как может она кончить, — подумала Алиса, — если никогда не начнет!»

Но, несмотря на это, она все-таки сидела и терпеливо ждала.

— Когда-то, — начала, наконец, черепаха, глубоко вздохнув, — я была настоящей черепахой.

После этих слов снова наступило продолжительное молчание, прерываемое от поры до времени возгласом: Иккrrr! и рыданием поддельной черепахи.

Алисе очень хотелось сказать: «Благодарю вас за ваш интересный рассказ» и уйти, но она продолжала сидеть в надежде услышать еще что-нибудь.

— Когда мы были маленькие, — начала после долгого молчания черепаха, теперь немного спокойнее, хотя время от времени все-таки останавливалась и начинала рыдать, — мы ходили в школу, в море. Учитель наш был очень старый. Мы называли его сухопутной черепахой.

— Почему же, если он не был сухопутной черепахой? — спросила Алиса.

— Мы называли его так, потому что он двигался очень медленно, — сердито ответила черепаха. — Какая ты бестолковая!

— Как тебе не стыдно задавать такие вопросы! — прибавил гриф, а потом они оба сидели несколько времени молча и глядели на бедную Алису, которая готова была провалиться сквозь землю.

— Продолжай, старушка! — сказал наконец гриф. — Не целый же день смотреть нам на тебя!

— Мы ходили в школу, в море, — снова начала черепаха, — хоть ты и не веришь этому.

Тут она искоса взглянула на Алису.

— Я никогда не говорила, что не верю, — возразила Алиса.

— Нет, говорила, — сказала черепаха.

— Придержи свой язычок! — прибавил гриф, прежде чем Алиса успела вымолвить слово.

— Мы получили прекрасное образование, — продолжала черепаха, — и ходили в школу каждый день...

— Я тоже ходила каждый день в школу, — сказала Алиса, — ты напрасно так гордишься этим.

— А были у вас необязательные предметы? — с беспокойством спросила черепаха.

— Да, были, — ответила Алиса. — Французский язык и музыка.

- И стирка?
- Нет, стирки не было, — негодуя ответила Алиса.
- Ну, значит твоя школа была хуже, — сказала, облегченно вздохнув, черепаха.
- А мы учились французскому языку, музыке и стирке.
- А сколько часов в день вы учились? — спросила Алиса.
- В первый день — десять, во второй — девять и т. д.
- Как странно! — сказала Алиса. — Значит в одиннадцатый день у вас был праздник?
- Конечно, так, — ответила черепаха.
- А что же было в двенадцатый?
- Довольно толковать об уроках, — сказал гриф. — Расскажи ей лучше что-нибудь про игры.

Х. Кадриль омаров

Черепаха глубоко вздохнула, провела перепончатой лапой по лицу, взглянула на Алису, разинула рот, но не могла произнести ни слова; ее душили рыдания.

— Ей как будто попала кость в горло, — сказал гриф и стал встряхивать черепаху и колотить ее по спине.

Наконец она немножко успокоилась и начала рассказывать, несмотря на то, что слезы текли у нее из глаз.

— Ты, должно быть, редко бывала на дне морском? — спросила она у Алисы.

— Никогда не была, — ответила Алиса.

— И, может быть, даже никогда не была представлена омару?

— Я раз ела омара... — начала было Алиса, но спохватилась и быстро проговорила:

— Никогда.

— Значит ты не имеешь понятия о том, как красива кадриль омаров!

— Действительно, не имею, — сказала Алиса. — Как же ее танцуют?

— Сначала, — сказал гриф, — все становятся на морском берегу...

— Становятся в два ряда, — прервала его черепаха, — черепахи, тюлени, лососи и многие другие; затем, когда очистят дорогу от медуз, морских звезд и им подобных...

— На что, конечно, уходит довольно много времени, — добавил гриф.

— Затем идут по парам, — возбужденно проговорила черепаха.

— С омарами за кавалеров! — крикнул гриф.

— Разумеется, — сказала черепаха. — Подходят два раза к своим визави...

— Меняются кавалерами и возвращаются назад, — добавил гриф.

— Потом кидают... — с жаром сказала черепаха.

— Омаров! — воскликнул гриф, высоко подпрыгнув.

— Как можно дальше в море!

— Плывут за ними! — пронзительно закричал гриф.

— Перекувыркиваются в море! — воскликнула черепаха, возбужденно прыгая из стороны в сторону.

— Снова меняются омарами! — заревел гриф.

— И возвращаются на берег: это первая фигура, — сказала черепаха и голос ее вдруг упал.

Оба они, и гриф, и черепаха, все время прыгавшие, как безумные, стали грустны и, усевшись, молча глядели на Алису.

— Это, должно быть, очень хорошенький танец, — помолчав, нерешительно проговорила Алиса.

— А хотелось бы тебе посмотреть на него? — спросила черепаха.

— Да, мне очень хотелось бы, — ответила Алиса.

— Протанцуем первую фигуру, — сказала черепаха грифу. — Можно обойтись и без омаров. А кто будет петь?

— Пой ты, — сказал гриф, — я забыл слова. Они начали танцевать кругом Алисы, то и дело наступая ей на ноги, выбивая такт передними лапами, а черепаха запела медленно и грустно:

— «Что ж ты, улитка? — рыбка сказала,
Нам не годится так отставать.

К морю давно уже все собралися, Скучно
им будет долго нас ждать. Хочешь, не
хочешь, хочешь, не хочешь, Хочешь ты с
нами потанцевать?

Ах, как приятно, когда нас быстро С
берега в море будут бросать!...»

— «Берег далеко, — тихо и робко
Стала улитка рыбке шептать, —
Нет, не хочу я, нет, не желаю, Нет,
я не буду там танцевать!»

— «Берег уж близко, — рыбка сказала, —
Ты не успеешь, крошка, устать...
Да не бледней же и не дрожи так,
Что тебя может там испугать?
Хочешь, не хочешь, хочешь, не хочешь,

Хочешь ты с нами потанцевать?...»

— Благодарю вас, это прекрасный и интересный танец, — сказала Алиса, очень довольная, что он наконец кончился. — Мне в особенности понравилась песенка о мерлане.

— Мерланов вам конечно случалось видеть? — спросила черепаха.

— Да, я часто видела их на об... — ответила Алиса. Она чуть было не сказала «на обедах», но вовремя остановилась.

— Итак, вы часто их видели, — продолжала черепаха, — и отлично знаете, на что они похожи.

— Пожалуй, — задумчиво сказала Алиса, — мерланы, по-моему, держат хвост во рту и бывают покрыты сухариками, то есть они у них на спинках.

— Вы ошибаетесь, — сказала черепаха, — сухариков на них нет. Ведь сухарики были бы смыты морскими волнами, но хвосты во рту они действительно держат и потому... — черепаха вдруг зевнула и закрыла глаза. — Расскажи же ей, почему они это делают, расскажи подробно обо всем, — сказала она грифу.

— Они держат хвост во рту, — пояснил гриф, — чтобы плясать с омарами. Вот и выбросили их в море, вот и упали они далеко, описав дугу по воздуху, вот и зажали они крепко-накрепко хвост во рту, вот и трудно им бывает его выпустить... Вот и все!

И довольно! — сказал гриф, — а теперь расскажи нам что-нибудь из своих приключений.

— Я могу рассказать только те приключения, какие со мной сегодня, — ответила Алиса. — Про то, что было вчера, рассказывать нечего, потому что тогда я была совсем другая.

— Объясни это, — сказала черепаха.

— Нет, нет, сначала приключения! — нетерпеливо воскликнул гриф. — С этими объяснениями пройдет слишком много времени.

Итак, Алиса начала рассказывать все, что было с ней с тех пор, как она в первый раз увидела белого кролика. Черепаха и гриф уселись так близко от нее и так широко открывали глаза и рты, что сначала ей было немножко страшно; но через несколько времени она ободрилась и перестала обращать на это внимание. Слушатели спокойно ей внимали, пока она не дошла до того места в рассказе, где она намеревалась сказать червяку «Ты уже стар, мой отец!», а у нее все слова вышли другими.

— Удивительно! — воскликнул гриф, когда она кончила.

— Удивительно! — повторила черепаха и глубоко вздохнула.

— Все решительно вышло по-другому! — повторила черепаха. — Мне так хочется ее послушать! Скажи ей повторить еще что-нибудь, — и она взглянула на грифа, точно с уверенностью, что влияние его всемогуще.

— Встань и скажи нам вслух: «Вот голос улитки»,
— сказал гриф с расстановкой.

— Как они умеют командовать мною и заставлять меня повторять уроки. Пожалуй было бы лучше очутиться в школе.

Алиса все-таки встала и начала читать наизусть, но голова ее была до того полна кадрилию омаров, что говорила она как-то бессознательно и слова выходили очень странные:

Чу! голос омара победно звучит:

«Я, дети, поджарен. Пускай подсластит
Кухарка меня своей честной рукой».

Омар кувыркком покатился с волной! Во
время отлива он гордо плывет, Акул не
боится, смеясь, их зовет,

С приливом акула на берег спешит, А
голос омара уныло дрожит!...

— Стихи эти говорились совсем иначе в мое детство, —
сказал гриф.

— И я ничего подобного не слыхала, — заметила
поддельная черепаха, — и, по-моему, это набор слов.

Алиса молчала. Закрыв лицо руками, она, сидя на
земле, раздумывала о том, пойдет ли все опять
естественным путем в ее жизни.

— Стихи эти требуют объяснения, — сказала черепаха.

— Нет, она объяснить их не может, — торопливо сказал гриф, — продолжай! Мы ждем вторую строфу. Она начинается словами: «Я шел мимо сада».

Алиса не посмела послушаться, хотя чувствовала, что все опять будет неверно. Дрожащим голосом она начала:

Я шел мимо сада. Мой зоркий глазок

Увидел пантеру. Она пирожок

С совой заедает и дружно делит. И

та, и другая глотать не спешит.

Пантера начинку и соус взяла, Сова

блюдо-ложку себе сберегла.

Воркнула пантера... и совушка ей

Дает нож и вилку, как можно скорей.

— Боже! Как все это дико! — взвизгнула черепаха.

— Не лучше ли прекратить вовремя, — сказал гриф, — и протанцевать вторую фигуру кадрили омаров, или, может быть, тебе больше хочется, чтобы черепаха пропела еще одну песенку?

— Да, я очень желала бы послушать пение черепахи! — сказала Алиса с таким жаром, что гриф немножко обиделся.

— Ну, спой ей «Суп из черепахи», старушка! — сказал он.

Черепаха глубоко вздохнула и прерывающимся от рыданий голосом запела:

О, чудный суп! О, суп из черепахи! Что может быть прекраснее его?

Кто уже сыт, и тот поесть захочет, Лишь только мельком взглянет на него. О, чу-у-дный су-у-п!

О, чу-у-дный су-у-п!

О, чудный суп! Ничто с ним не сравнится! Ничем нельзя нам заменить его!

Чтоб вволю этим супом насладиться, Кто с радостью не отдал бы всего?

О, чу-у-дный су-у-п!

О, чу-у-дный су-у-п!

— Хор повторяет! — воскликнул гриф. Но только что начала черепаха повторять последние строки, как вдали послышался крик:

— Суд начался!

— Идем! — крикнул гриф и, схватив Алису за руку, быстро побежал, не дожидаясь конца песни.

— Какой это суд? — задыхаясь спросила Алиса.

— Идем! — снова крикнул гриф.

Они побежали еще быстрее, а с ветром доносились до них все слабее и слабее слова грустной песни:

О, чу-у-дный су-у-п!

О, чу-у-дный су-у-п!

XI. Кто утащил пирожки?

Король и королева сидели на троне в большой зале; всевозможные птички и зверьки окружали их; тут была также полная колода карт. Червонный валет, в цепях, был под конвоем двух солдат. Около короля стоял белый кролик с трубой в одной лапке и свертком пергамента в другой.

Посредине стоял стол с блюдом пирожков. И они казались такими вкусными, что Алисе захотелось есть, как только она взглянула на них.

«Хорошо, если бы поскорее кончился суд, — подумала она, — и нас угостили пирожками».

Но по-видимому надежды на это не было, и Алиса от нечего делать стала осматриваться по сторонам.

Она никогда не бывала в суде, но читала про него.

«Это судья» — подумала она, глядя на стол, за которым сидел важно король, — потому что он

в парике".

Судьей был, действительно, сам король. На нем был надет парик, поверх парика была еще корона. Это выходило и некрасиво, и неудобно.

«Вот это скамья присяжных, — продолжала думать Алиса, — а эти двенадцать созданий (она должна была сказать „созданий“, потому что тут были и зверьки, и птицы), должно быть, присяжные заседатели, которые решат, нужно ли наказать или нет подсудимого». И она гордо огляделась кругом, вполне уверенная, что немногие девочки ее лет знают столько про суд.

Двенадцать присяжных что-то усердно писали на аспидных досках.

— Что это они пишут? — шепотом спросила Алиса у грифона. — Им еще нечего записывать, потому что суд не начался.

— Они записывают свои имена, — шепнул грифон. — Они боятся, что забудут их прежде, чем кончится разбирательство дела.

— Что за глупости! — громко и с негодованием сказала Алиса, но сейчас же остановилась, так как белый кролик зашикал, а король надел очки и стал тревожно осматриваться по сторонам, чтобы узнать, кто осмелился заговорить.

Алиса видела, что все присяжные пишут на своих грифельных досках: «Какие глупости!» и даже

заметила, что один из них не знает, как написать слово «глупости» и спросил у соседа.

«На досках будет ужасная путаница, пока суд кончится!» — подумала Алиса.

У маленького Билля — ящерица Билль тоже был в числе присяжных — скрипел грифель. Алиса не могла вынести этого. Она подошла к Биллю, стала сзади него и, воспользовавшись первым удобным случаем, выхватила у него грифель. Она сделала это так быстро, что бедный маленький Билль не мог понять, куда девался его грифель. Поискав его, он был принужден писать во все остальное время пальцем, из чего, конечно, не выходило толку, потому что на доске не оставалось никаких следов.

— Герольд, прочитайте обвинение! — произнес повелительно король.

Белый кролик приложил ко рту трубку, три раза протрубил и, развернув сверток пергамента, прочитал:

Королева червей испекла пирожки И
на стол положила их все,
А червонный валет утащил их к себе И
не могут найти их нигде!

— Ну, как считаете, виноват он или нет? Спешите с приговором! — спросил и повелел король, обращаясь к присяжным.

— Нет, нет, еще рано приговаривать! — поспешил вмешаться белый кролик. — Сначала нужно допросить свидетелей.

— Позовите первого свидетеля! — сказал король и кролик трижды протрубил, вызывая первого свидетеля.

Первым свидетелем оказался шляпочник. Он подошел, держа в одной руке чашку с чаем, в другой — ломоть хлеба с маслом.

— Прошу извинения, ваше величество! — сказал он. — Я захватил с собой еду, потому что еще не кончил пить чай, когда за мной прислали.

— Следовало кончить, — заметил король. — А когда же вы начали?

Шляпочник поглядел на мартовского зайца, который стоял около него под ручку с сурком.

— Кажется, четырнадцатого марта, — сказал он.

— Нет, пятнадцатого, — возразил мартовский заяц.

— А по-моему шестнадцатого, — сказал сурок.

— Запишите это, — сказал король присяжным и те торопливо записали все три числа, сложили их и подписали сумму.

— Снимите вашу шляпу! — сказал шляпочнику король.

— Она не моя, — ответил шляпочник.

— Значит, шляпа украдена! — воскликнул король, обернувшись к присяжным, которые тотчас же записали на своих досках, что шляпа украдена.

— Я продаю шляпы, — пояснил шляпочник, — а особенно для себя у меня нет ни одной. Я шляпочник.

Тут королева надела очки и стала так пристально смотреть на шляпочника, что тот побледнел и беспокойно завертелся.

— Что вы знаете по этому делу? — спросил король. — Да не вертите так, а не то я велю вас казнить тут же на месте!

Слова эти, по-видимому, нисколько не ободрили свидетеля. Он переступал с ноги на ногу, тревожно взглядывал на королеву и был до того смущен, что откусил кусок чашки вместо хлеба с маслом.

В ту минуту Алиса вдруг почувствовала что-то странное и сначала не могла понять, что это такое. Через несколько минут она, однако, поняла, что начинает расти. Сначала она хотела встать и уйти, но потом передумала и решила остаться в зале до тех пор, пока ее голова не поднимется близко к потолку.

— Вы меня притиснули к стене, — сказал сурок, сидевший рядом с ней. — Я задыхаюсь!

— Это не моя вина, — кротко ответила Алиса, — я расту.

— Вы не смеее расти здесь! — сказал сурок.

— Не говори глупостей! — ответила смелее Алиса. — Ведь и ты растешь.

— Да, но я расту, но я расту — сказал сурок — понемногу, а не так дико, как вы.

И, надувшись, он встал и пошел искать себе другое место.

Королева все еще не спускала глаз со шляпочника. Вдруг она крикнула:

— Принести мне список всех, кто пел в последнем концерте.

Услышав это, несчастный шляпочник задрожал и так затрясся, что с него свалились оба башмака.

— Говорите же, что вы знаете по этому делу, — с досадой повторил король, — а не то я велю казнить вас! Все равно, будете ли вы вертеться или нет — не поможет!

— Я бедный человек, ваше величество, — дрожащим голосом начал шляпочник, — и я начал пить чай с неделю тому назад или около того... и ломтик хлеба стал такой тоненький... и потом засверкало...

— Что засверкало? — спросил король.

— Это началось вместе с чаем, — ответил шляпочник. — Я... бедный человек, ваше величество... и многое потом сверкало — только мартовский заяц говорил...

— Я ничего не говорил, — торопливо прервал его мартовский заяц.

— Нет, говорил, — сказал шляпочник.

— Нет, не говорил! — воскликнул мартовский заяц.

— Ну, оставим это, — сказал король. — Что же дальше?

— Так, во всяком случае, сурок говорил, — сказал шляпочник, тревожно оглядываясь по сторонам и опасаясь, что сурок тоже отречется от своих слов. Но он ни от чего не отрекся, потому что крепко спал.

— После этого, — продолжал шляпочник, — я отрезал ломоть хлеба, намазал его маслом...

— А что же сказал сурок? — спросил один из присяжных.

— Этого я не могу припомнить, — ответил шляпочник.

— Но вы должны припомнить, — сказал сердито король, ударяя кулаком по столу. — Иначе будешь казнен!

Несчастный шляпочник выронил чашку с чаем и хлеб с маслом и опустился на колени.

— Я бедный человек, ваше величество! — сказал он.

— И далеко не красноречивый, ничтожный оратор! — добавил король.

Тут одна гвинейская свинка зарукоплескала, но ее сейчас же привели к порядку. (Надо вам объяснить

как это делается: они засунули морскую свинку в большой парусиновый мешок, вниз головою, и сели на мешок.)

— Я очень рада, что мне удалось это видеть, — подумала Алиса. — Приходилось читать в газетах: «сделана была попытка выразить одобрение, но судебная полиция поспешила привести их к порядку». Теперь я буду знать, что это значит.

— Стой твердо на своем показании, если ты в нем уверен, — продолжал король.

— Трудно, ваше величество, — возразил шляпочник, — ведь я уж стою на полу!

Тут другая морская свинка вдруг зарукоплескала и была «приведена к порядку».

«С морскими свинками дело кончено, — подумала Алиса, — возможно, что само дело теперь пойдет живее».

— Могу я теперь уйти и напиться чаю? — спросил шляпочник, тревожно глядя на королеву, которая читала список участвовавших в концерте певцов.

— Можете идти, — сказал король, и шляпочник так стремительно бросился из зала, что даже не успел надеть башмаки.

— Казнить его! — крикнула королева, но шляпочник уже исчез и его не могли найти.

— Позвать второго свидетеля! — сказал король.

Оказалось, что это не свидетель, а свидетельница — герцогинина кухарка. Она держала в руке коробку с перцем. Алиса тотчас же догадалась, что в коробке перец, потому что, как только кухарка вошла, все сидевшие около двери принялись чихать.

— Что вы знаете по этому делу? — спросил король.

— Не хочу отвечать, — сказала кухарка. Король с беспокойством взглянул на белого кролика, который поспешил шепнуть ему на ухо:

— Вы должны заставить свидетельницу сказать, ваше величество, все, что она знает.

— Должен, так должен, — грустно проговорил король. Он скрестил руки и, нахмурившись так, что глаза его превратились в крошечные щелочки, устремил их на кухарку и спросил глухим низким голосом:

— Из чего делаются сладкие пирожки?

— Главным образом из перца, — ответила кухарка.

— Из патоки, — проговорил сзади нее сонный голос.

— Схватите поскорее за шиворот этого сурка! — пронзительно закричала королева. — Тащите его отсюда! Зачем вмешивается! Уберите его! Отрубите ему усы!

Поднялась страшная суматоха. Несчастливого сурка теребили и тащили в разные стороны, а когда его,

наконец, выгнали и все уселись на свои места, оказалось, что кухарка исчезла.

— Не беда! — весело сказал король, которому это было, повидимому, очень приятно. — Позвать следующего свидетеля! — и нагнувшись к королеве, он тихо прибавил: — Ты, дорогая, допросишь следующего свидетеля; у меня от всего этого голова кружится!

Белый кролик стал просматривать список свидетелей.

«Кого-то он вызовет теперь? — думала Алиса. — От первых двух свидетелей нельзя было узнать ничего».

Представьте же себе ее изумление, когда белый кролик закричал пронзительным голосом:

— Алиса!

XII. Показание Алисы

— Здесь! — крикнула Алиса и совсем забыв, какой большой она выросла с тех пор, как пришла сюда, она торопливо вскочила с места, причем задела за скамью присяжных. Скамья опрокинулась, и присяжные упали на головы сидящей внизу публике.

Неделю тому назад Алиса нечаянно опрокинула аквариум с золотыми рыбками, и барахтавшиеся на полу присяжные живо напомнили ей этих рыбок.

— Извините, пожалуйста! — с испугом воскликнула она и начала торопливо поднимать присяжных. Ей казалось, что как умирают рыбки, если их долго не опустить в воду, так умрут и присяжные, если она не посадит их как можно скорее на скамью.

— Допрос свидетелей, — сказал король, — не может начаться до тех пор, пока присяжные не будут сидеть на своих местах, — все и как следует, — с ударением прибавил он, строго взглянув на Алису.

Она посмотрела на скамью присяжных. Оказалось, что второпях она поставила бедного маленького Билля-ящерицу головой вниз. Он никак не мог перевернуться и грустно помахивал хвостиком. Алиса схватила его и поскорее перевернула.

Когда присяжные немножко опомнились после своего падения и им дали их аспидные доски и грифели, они принялись усердно записывать только что случившееся с ними неприятное происшествие. Один лишь Билль все еще никак не мог придти в себя и, разинув рот, глядел в потолок.

— Что вы знаете по этому делу? — спросил король.

— Ничего, — ответила Алиса.

— Решительно ничего? — настаивал король.

— Решительно ничего.

— Это очень важно, — сказал, обратившись к присяжным, король.

Они уже начали записывать это на своих досках, когда вмешался белый кролик.

— Вы, должно быть, хотели сказать, что это неважно, ваше величество? — проговорил он почтительно, но нахмурившись и делая гримасы.

— Да, конечно, я хотел сказать «неважно», — согласился король и несколько раз повторил вполголоса: — важно, неважно, важно, неважно, — как будто прислушиваясь и стараясь решить, какое слово звучит лучше.

Некоторые присяжные написали «важно», а другие «неважно». Алиса видела это, так как стояла близко от них. «Но разве не все равно, что бы они ни написали!» — подумала она. Вдруг король, торопливо писавший что-то в большой, переплетенной тетради, крикнул:

— Тише!

И среди глубокой тишины прочитал из своей тетради:

— Правило 42-е «Те, кто более версты ростом, удаляются из заседания суда».

Все тотчас же взглянули на Алису.

— Во мне нет версты, — сказала она.

— Нет, есть, — возразил король.

— В тебе почти две версты, — прибавила королева.

— Хорошо, но я все-таки не двинусь! — сказала Алиса, — да и само правило неверное: вы только что его придумали!

— Эта самое древнее правило в этой книге — возразил король.

— В таком случае оно должно стоять первым номером, — сказала Алиса.

Король поспешил захлопнуть свою записную книгу. При этом он весь побледнел.

— Идите совещаться! — тихим, дрожащим голосом сказал он присяжным.

— Еще рано, ваше величество! — воскликнул, вскочив с места, белый кролик. — Сейчас только нашли вот эту бумагу.

— Что это такое? — спросила королева.

— Я еще не развертывал ее, — ответил белый кролик. — Это, по-видимому, письмо, которое написал кому-то подсудимый.

— Наверное, кому-то, — заметил король. — Если бы он написал его никому, это было бы очень странно.

— Кому же адресовано письмо? — спросил один из присяжных.

— Он без адреса, — ответил белый кролик и, развернув бумагу, прибавил: — Да это совсем не письмо, это стихи.

— А почерк подсудимого? — спросил другой присяжный.

— Нет, не его, — ответил белый кролик; все присяжные смутились и с удивлением переглянулись.

— Он, должно быть, подражал чьему-нибудь почерку, — сказал король (все присяжные присяжили).

— Я не писал этих стихов, ваше величество, — сказал червонный валет, — и никто не будет в состоянии доказать это. Ведь внизу не подписано моего имени?

— Так как вы не подписали его, — сказал король, — то это только доказывает вашу вину. Если бы вы не задумали чего-нибудь очень дурного, то, конечно, подписали бы свое имя.

Все захлопали в ладоши: слова эти были первыми умными словами, сказанными королем в этот день.

— Да, это, без сомнения, доказывает его вину, — сказала королева, — а потому его следует казнить...

— Это решительно ничего не доказывает, — возразила Алиса. — И даже неизвестно, что это за стихи.

— Прочитайте их, — сказал король. Белый кролик надел очки.

— Откуда мне начать, ваше величество? — спросил он.

— Начните сначала, — важно проговорил король, — и прочитайте до конца.

Среди мертвой тишины белый кролик прочитал следующее стихотворение:

Слышал я, что вчера заходили вы к ней И
сказали ему про себя.

«Не умеет он плавать, хоть всем бы хорош»,
Говорила она про меня.

Он послал им сказать, что меня не видал, Что
жалеет он очень о том...

Если дальше пойдет так же дело у ней,
Что же с вами-то будет потом?

Я им отдал один, они дали мне два,
Получили они все свои,

К ним вернулись потом и последние два,
Те, что были сначала мои.

Если я иль она попадемся теперь, Если в
это запутают нас,

Постарайтесь помочь им и выручить их,
Вся надежда ее лишь на вас.

А ведь я полагал, что считала она — До
того, как припадок с ней был — Вас
опасным врагом и его, и своим

И ее еще гнев не остыл.

Но того, что она им желает помочь, Он не должен узнать никогда.

Эту тайну нельзя открывать никому, Мы ее сохраним навсегда.

— Это самое важное доказательство из всех! — сказал, потирая руки, король, — а потому присяжные могут теперь...

— Я готова дать четвертак тому из них, кто объяснит, что значит это стихотворение! — воскликнула Алиса, которая выросла уже настолько, что не побоялась перебить короля. — В нем нет никакого смысла.

Присяжные сейчас же записали: «Она говорит, что в нем нет никакого смысла».

— Тем лучше, — сказал король, — значит нам не нужно будет доискиваться его... Но, по-моему, — продолжал он, развернув бумагу на коленях и смотря на нее, — в нем есть смысл... «Не умеет он плавать...» Умеете вы плавать, подсудимый?

Валет грустно покачал головой.

— Разве такие, как я, плавают? — сказал он. И, действительно, он не мог плавать, потому что был весь картонный.

— Вот видите, значит, верно, — проговорил король, просматривая стихотворение. — «Если дальше пойдет так же дело у ней...» Это, наверное, про королеву.

«Что же с вами-то будет потом?» Интересно бы знать что... «Я дал им один, они дали мне два» — это, разумеется, они говорят про пирожки.

— Но ведь дальше сказано: «Получили они все свои!» — возразила Алиса.

— Так оно и есть! — с торжеством сказал король, показывая на пирожки. — Это ясно, как день...

«До того, как припадок с ней был...» Ведь у тебя, кажется, не было припадка, моя дорогая? — спросил он у королевы.

— Никогда, — гневно крикнула королева, бросив чернильницей в Билля.

Бедный маленький Билль уже давно перестал писать на доске пальцем: он видел, что на ней не остается никаких следов; но так как у него были чернила — они текли у него с мордочки, — он, макая в них палец, снова начал писать.

— Значит, слова эти не относятся к тебе, — сказал король и прибавил чуть не в двенадцатый раз в этот день: — А теперь пусть присяжные идут совещаться.

— Нет! Нет! — крикнула королева. — Сначала пусть объявят приговор, а потом совещаются.

— Разве можно сначала объявлять приговор, а потом совещаться? — воскликнула Алиса.

— Молчать! — произнесла королева, побагровев.

— О! Я не боюсь, — возразила Алиса, — и молчать не буду!

— Казнить ее! — во все горло закричала королева.

Никто не тронулся с места.

— Неужели вы думаете испугать меня? — воскликнула Алиса, которая в это время стала такого роста, как была дома. — Ведь вы просто колода карт! И больше ничего!

Вдруг все карты поднялись на воздух и стали падать Алисе на лицо. Она вскрикнула, не то от гнева, не то от ужаса, и... проснулась! Голова ее лежала на коленях сестры, которая осторожно смахивала упавшие с дерева ей на лицо сухие листочки.

— Проснись, моя милочка! — сказала сестра. — Как ты долго спала.

— Ах, какой удивительный сон я видела! — воскликнула Алиса и рассказала сестре про все чудеса, какие привиделись ей во сне.

Когда она закончила, сестра поцеловала ее и сказала:

— Это, в самом деле, удивительный сон!... Ну, а теперь беги скорее пить чай; уже поздно.

...

Алиса побежала домой и на бегу думала о том, какой странный сон ей приснился. Но сестра ее продолжала сидеть, опустив голову на руку и, глядя на заходящее

солнце, думала о необыкновенных приключениях, которые привиделись Алисе во сне.

Потом она закрыла глаза и так глубоко задумалась, что ей показалось, как будто и она сама тоже видит сон.

Сначала она думала об Алисе. Она чувствовала ее маленькие ручки у себя на коленях, слышала ее голос, смотрела в ее ясные глазки, видела, как она по своей привычке встряхивает головой, чтобы откинуть волосы со лба. И в то же время ей казалось, что все кругом нее вдруг ожило. Все, кого видела Алиса во сне, были теперь здесь.

Высокая трава шелестела под лапками, спешившего куда-то, белого кролика; слышался легкий плеск воды — это мышка, попав в пруд, плыла к берегу; чашки мартовского зайца и его приятеля, никогда не кончавших пить чай, громко звенели; раздавался пронзительный голос королевы, кричавшей, чтобы кому-то отрубили голову; ребенок-поросенок чихал, сидя на руках у герцогини; тарелки и блюда летали и разбивались вдребезги, а издали доносились крик грифа, скрип грифеля маленького Билля, сдавленный вопль гвинейской свинки, которую засовывали в мешок, и отчаянные рыдания несчастной черепахи.

Сестра Алисы продолжала сидеть с закрытыми глазами, наполовину веря, что и сама очутилась в волшебной стране, хотя знала, что стоит ей открыть глаза и все тотчас же исчезнет: трава будет шелестеть только от ветра; плеск воды послышится, когда ветки

кустов, росших внизу, около самого пруда, закачаются и коснутся ее; звон чашек превратится в звон колокольчиков пасущегося стада, крик королевы — в покрикивания мальчика пастуха, чиханье ребенка, скрип грифеля маленького Билля и все другие звуки — в смешанный гул, доносящийся с фермы, а рыдания черепахи — в далекое мычание коров.

Потом она стала думать о том, как ее маленькая сестренка вырастет и станет взрослой; как у нее останется такое же доброе и любящее сердце, как теперь; как она будет собирать около себя детей и, чтобы доставить им удовольствие и заставить заблестеть их глазки, станет рассказывать им разные чудные истории, а может быть, и свои приключения в волшебной стране, которые видела во сне, когда сама была ребенком и как она будет сочувствовать их маленьким горестям и радоваться невинным их радостям, вспоминая свое собственное детство и счастливые летние дни.

